

18+

Мария Хайкина

Идущие навстречу
На перепутье

Мария Хайкина

Идущие навстречу. На перепутье

«Издательские решения»

Хайкина М. Б.

Идущие навстречу. На перепутье / М. Б. Хайкина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510828-9

Эта книга, которая нужна. Она о том, как труден путь навстречу друг другу. Как хрупко душевное равновесие, и как легко его разрушить. О боли. О ее преодолении. О Боге, что живёт в душе каждого из нас.

ISBN 978-5-00-510828-9

© Хайкина М. Б.
© Издательские решения

Содержание

На перепутье	6
Часть I	6
Глава II	8
Глава III	12
Глава IV	16
Глава V	23
Глава VI	27
Глава VII	31
Глава VIII	35
Глава IX	39
Глава X	42
Глава XI	44
Глава XII	47
Часть II	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Идущие навстречу На перепутье

Мария Борисовна Хайкина

© Мария Борисовна Хайкина, 2020

ISBN 978-5-0051-0828-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На перепутье

Часть I

Глава I

У каждого свое представление об уюте. Мне видится такая картина.

Тихий, убаюканный метелью старинный городок. Светлые сумерки начинают окутывать укрытые снежным одеялом небольшие домики. Окна мерцают сквозь метущую поземку живым огнем, не тем ровным, холодным светом, что дает электричество, а светом неярким, но теплым и дышащим, таким, который может породить только настоящий огонь. День близится к своему завершению. В подобный вечер особенно приятно осознавать, что торопиться никуда не нужно, настало время отдыха, что ты – у себя дома, где жаркий камин возводит прочную преграду между тобой и февральским холодом.

Я вижу комнату, за окнами уже темно, и свет дают лишь камин да свеча. Такое освещение не может быть ярким, и комната полна тенями. Чуть трепещущие от движений, совершаемых огнем, они делают пространство живым и дышащим. Комната заполнена вещами. Вещи – устойчивые, добротные, тщательно инкрустированные богатой отделкой, именно они создают ощущение основательности и стабильности. Осью комнаты, ее композиционным центром является, конечно, камин. Стоящие перед ним два кресла и круглый столик с витыми ножками словно созданы для отдыха. Кроме кресел расположиться можно и на диване, занявшем место между двумя окнами, и на уютной софе, стоящей рядом с небольшим столом у противоположной стены. Следует еще упомянуть стеклянную горку, заполненную изящной расписанной посудой и массивный буковый буфет. Вся обстановка погружает нас в неспешный, тягучий, мирный быт начала XIX века.

У камина я вижу двоих. Молодая женщина в том длинном, струящемся до пола платье, которое делает женщин прошлого столь элегантными и женственными, отличными от мужчин созданиями. На коленях у нее – шитье, также неизменный спутник женщин в прошлом, их верный друг, их забота и их досуг. Лицо ее, не столь красивое, сколь миловидное, дышит тем покоем и безмятежностью, который порождается устроенностью жизни и душевной наполненностью. Глаза, светлые и лучистые, с нежностью обращены к сидящему рядом молодому мужчине. Резкие черты лица, блестящие темные глаза того выдают его беспокойную натуру, но сейчас страсти, клокотавшие в нем когда-то, улеглись, усмиренные неспешной чередой счастливых дней рядом с любимой. Надо ли говорить, что перед нами – супруги, ибо те давние времена только супружество давало любящим возможность обрести чувство устроенности и защищенности. Такими я вижу своих героев, супругов Ристли Хорвина и Ровину.

...

Стоящие на камине часы пробили девять. Хорвин поднял голову от лежащей у него на коленях книги и посмотрел на жену. Ласковая улыбка тронула его губы, сразу смягчив жесткие складки возле рта. Ровина улыбнулась в ответ.

– Ты не находишь, что в своем «Айвенго» Вальтер Скотт мистифицирует читателя. И названием, и событиями завязки он позволяет предположить, что рыцарь Айвенго и его возлюбленная – главные герои романа, в то время как истинные герои – Бриан де Буагильбер и красавица Ревекка.

Ровина опустила взгляд на свое шитье.

– В этом есть доля истины, – ответила она, помолчав. – Возможно, именно этот момент и придает роману оригинальность и делает его наиболее значимым произведением сэра Вальтера Скотта. Но мне кажется, что главное, что делает роман столь интересным, в другом.

– И в чем же?

– В той душевной раздвоенности, в которой находится Бриан де Буагильбер. В том страшном выборе, который ему предстоит сделать. Ведь ему приходится бороться против женщины, которую он любит.

Глаза Хорвина блеснули огоньком, он отодвинул книгу.

– Только ты, – заметил он, – способна проявить сочувствие к герою, который заслуженно считается главным злодеем.

– Это не мешает ему быть несчастным человеком. Ведь он ясно осознает, что его победа должна принести его любимой гибель. И он – не законченный негодяй. Он погибает не от руки своего соперника-антагониста, он гибнет сам, потому что оказывается не способным совершить задуманное им же зло.

Худое лицо Хорвина светилось интересом.

– А ты не находишь, – начал было он, но тут тихий стук в дверь нарушил уединение супругов.

Хорвин взглянул на жену вопросительно:

– Мы сегодня кого-то ждем?

Ровина покачала головой:

– Сейчас уже достаточно поздно для гостевых визитов. И погода не располагает выходить на улицу. Мне кажется, ненастье к вечеру усилилось. – Она отложила шитье и поднялась. – Надо скорее открыть, нельзя в такую метель долго держать человека на улице.

Взяв свечу, она торопливо вышла. Чуть помедлив, Хорвин направился за ней.

Высоко подняв свечу в одной руке, другой Ровина пыталась отодвинуть щеколду на двери. Осторожно отстранив жену, Хорвин легко поднял щеколду и распахнул дверь.

Снежный вихрь колюче ударил ему в лицо. Дрожащий огонек свечи не позволял ничего разглядеть, кроме пронесившихся мимо белых хлопьев. Снежинки оседали на оплетающих крыльцо ветвях жимолости, на ведущих к дому невысоких ступеньках и на съжившейся девушке, неподвижно стоящей перед дверью. Длинная меховая накидка с капюшоном скрадывала ее фигуру.

Хорвин шагнул вперед.

– Кто вы и что вы хотите? – он пытался разглядеть скрываемое капюшоном лицо. Гостья еще ниже опустила голову.

– Войдите внутрь, прошу вас! Вы совсем замерзли на таком ветру, – приветливо сказала Ровина. – Заходите в дом, обогрейтесь и расскажите, что с вами случилось.

Девушка нерешительно качнулась вперед и вновь замерла, кутаясь в свою накидку. Выйдя наружу, Хорвин подхватил гостью под локоть и подтолкнул ее к двери:

– Идите в дом. Разговаривать лучше в тепле, не к чему морозить ни себя, ни нас.

Стоя посередине их тесного коридорчика, вмещавшего лишь небольшую вешалку да старую этажерку, на которую обычно клали шляпы, девушка неуверенно осматривалась. Выглядела она по-прежнему настороженной. Торопливо смахнув снег с ее накидки, Хорвин предложил:

– Давайте, я помогу вам раздеться.

Девушка выпростала из-под меха руки, Хорвин обратил внимание, что они тонкие и изящные, откинула назад капюшон и открыла их взорам черноволосую головку с большими, испуганно глядящими глазами. Ровина радостно всплеснула руками и кинулась к гостю. Хорвин подавил тяжелый вздох и судорожно стиснул зубы. Перед ними стояла Элиса, кузина Ровины и несостоявшаяся невеста Хорвина.

Глава II

Он выскочил на улицу в чем был. Улица была пустынна, прохожие в этот ранний час еще не появлялись. Стояла тишина, ветви палисадника темными стрелами торчали из сияющего белизной снега. На расчищенной дорожке, ведущей к калитке, были видны цепочки следов. Он различил отпечатки каблука сапожка, что надевала Ровина.

Хорвин торопливо выбежал за калитку и остановился в недоумении: следы терялись в грязном месиве, покрывавшем мостовую, не было видно никого, кто мог бы подсказать, где искать. Он нетерпеливо огляделся. Накинутая наспех рубашка была не способна защитить от зимнего мороза, но холода он не ощущал. Его жгла огнем одна мысль, одно желание: он должен найти Ровину, он должен ее вернуть, он должен исправить зло, что было ей причинено. Бессильная ярость заставила его судорожно стиснуть кулаки. Две недели, всего две недели прошло, как Элиса непрошенной гостьей появилась в его доме, и вот уже он вынужден искать свою жену.

...

Элиса Котомак всегда ощущала себя родившейся в рубашке, даже не просто рубашке, а тонкой, кружевной, шитой золотом сорочке. Чего еще могла желать она, единственная дочь состоятельного отца, с детства росшая в холе и неге и не знающая отказа ни в чем. Природа наградила ее в высшей степени привлекательной внешностью, отцовское состояние позволило дать ей достойное обрамление, и Элиса не без оснований почитала себя за первую красавицу во всей округе.

На мать Элисы оказали неизгладимое впечатление те тяготы, что ложились на плечи женщины, производящей на свет ребенка, и она наотрез отказалась иметь еще детей. Освободившись от этой заботы, приковывающей женщину к дому, она с головой окунулась в развлечения, не слишком обременяя себя беспокойством, как растет ее единственное дитя. Впрочем, своей красавицей-дочкой она гордилась и с удовольствием демонстрировала ее всем знакомым. С не меньшим удовольствием задаривала она девочку как игрушками, так и нарядами, отдавая последним предпочтение. Уже с малых лет Элиса впитала способность носить свои еще по-детски коротенькие платьица с грацией и достоинством юной королевы. Осознание собственной привлекательности рано придало ее осанке величавость, а непоседливый нрав зажег огонек в ее черных глазах. Мало кто из мужчин способен был остаться равнодушным, когда на него обращался взгляд этих огромных, окаймленных длинными изогнутыми ресницами, миндалевидных глаз. Мало кто мог устоять, когда с живой непосредственностью она забрасывала их теми забавными нелепостями, которые так возвышают мужчин в собственных глазах, заставляя их чувствовать себя покровителями и защитниками этих милых и наивных женщин. Став старше, Элиса в совершенстве освоила умение вести разговор поворотом прелестной головки, движением округлых изящных рук, томным или лукавым взором, брошенным из-под ресниц, и череда поклонников не прекращала толпиться вокруг юной чаровницы.

Смирившийся с невозможностью иметь наследника, отец всю свою любовь обратил на дочь. Он баловал ее нещадно, любая прихоть ее тут же исполнялась, и Элиса с ранних лет свыклась с мыслью, что для нее нет ничего невозможного. Переменив множество гувернанток, не отвечавших запросам капризной воспитанницы, около года Элиса провела в пансионе. Пребывание в нем добавило лоска ее манерам, но ни одна из преподаваемых ей наук не оставила ни малейшего следа в ее очаровательной головке. Обладая от природы приятным голосом, Элиса научилась неплохо петь популярные песенки и романсы, хотя в ее исполнении не доставало

чувства. Зато в умении танцевать ее никто не мог превзойти, на любом балу Элиса ощущала себя королевой, и целые баталии разыгрывались за право повести ее в первом танце.

Вырвавшись из пансиона, Элиса всей душой отдалась тому занятию, что, по ее мнению, составляло главный смысл жизни молодой девицы – бесконечному флирту с мужчинами. Любого привлекательного молодого человека, появившегося в поле ее зрения, она воспринимала, как свою законную добычу. Для завоевания его внимания все средства были хороши, моральных запретов для Элисы не существовало. Ей ничего не стоило перебежать дорогу лучшей подруге или постараться отбить жениха у собственной кузины. Впрочем, когда заинтересовавший ее молодой человек оказывался у ее ног, она быстро утрачивала к нему интерес и начинала искать новую жертву. Пока был жив ее отец, он, не столько своим авторитетом, сколько неявным игнорированием наиболее опасных капризов удерживал свою равноправную дочку от слишком серьезных ошибок. Но когда его место занял мягкосердечный дядя, бесшабашной девице не стало удержу. Одна проделка следовала за другой, вызывая удивление друзей и зависть и восхищение подруг. И ни разу мысль о возможных последствиях ее шалостей не обременила очаровательную головку юной баловницы.

Именно в этот период на ее пути и появился Хорвин Ристли.

Он вызвал у нее интерес сразу. Не столько разумом, сколько свойственным женщине чутьем она распознала в нем личность, отличающуюся от всех прежних ее знакомых. Черноволосый, среднего роста молодой человек, в темных глазах которого скрывался потаенный огонь, он выглядел более ярким и живым, чем вертевшиеся вокруг нее салонные мальчишки. Самые занимательные ее кавалеры казались пресными с ним рядом, самые оригинальные затейники смотрелись мелкими и скучными по сравнению с этим нешумным и редко улыбающимся молодым человеком, из-под маски вежливой сдержанности которого время от времени прорывались бушующие в нем страсти. Окружавший Хорвина ореол спасателя сестры от разбойников, человека, умеющего выживать в лесу, способного в одиночку справиться с диким зверем, еще больше возвышал его в глазах Элисы.

И, конечно, она ринулась в бой. То, что Хорвин считался женихом ее двоюродной сестры, не только ее не останавливало, но даже подстегивало. Он должен принадлежать Элисе, должен пасть жертвой ее чар, он должен пополнить список ее поклонников. И тут ее ждало разочарование. Хорвин остался равнодушен к ее заигрываниям, ни улыбки, ни завлекательные взгляды, ни тщательно подобранные туалеты не произвели на него никакого впечатления. Конечно, он мог бы подыграть ей. Верно оценивший Элису с первого взгляда, он сразу понял, что ей достаточно осознания своей победы. Скажи он ей несколько комплиментов, признай себя очарованным ее красотой, проведи около нее всего лишь немного времени, и Элиса успокоилась бы, и оба они тогда избежали бы множества переживаний. Но Хорвин не был способен на компромиссы, он не хотел и не мог вступать в любовные игры с женщиной, которая не только не нравилась ему, но была воплощением всех тех свойств, что были ему отвратительны. Его, человека тонкого и искреннего, не могла привлечь девушка поверхностная и избалованная, а ее искусственные ужимки только вызывали у него раздражение.

И все-таки он ее недооценил. Даже не только он, но и сама Элиса не подозревала, какое сильное чувство может завладеть всем ее существом. Первоначальное любопытство, уязвленное самолюбие, все разгорающийся интерес, восхищение и негодование, перемешиваясь, сплелись в ее душе в странную страсть. Неистовое желание видеть этого угрюмого молодого человека возле себя толкало ее на все более странные поступки. В смятении, не понимая, что с ней происходит, она металась, воротила нелепость на нелепость, и впервые в жизни сама пугалась того, что натворила. Имя владеющему ею чувству было любовь, она полюбила, полюбила глубоко, по-настоящему, полюбила страстно и безнадежно, полюбила того, кто не мог на ее любовь ответить. Ибо любил сам. Другую.

Все же он почти проиграл в разгоревшемся между ними поединке. Пустой флирт оставил его равнодушным, но искреннее чувство не могло не вызвать в его душе отклик, и в минуту отчаяния и тоски он дал Элисе обещание подумать о женитьбе на ней. Целый день после этого Элиса была счастлива, один только день радужные надежды заставляли ее воспарить к небесам. На следующее утро построенный ею прекрасный воздушный замок обратился в прах, Ровина вновь призвала Хорвина, и он вернулся к ней, оставив Элису тосковать от неразделенной любви.

Вновь и вновь вспоминала она его смуглое некрасивое лицо, которое так менялось, когда его озаряла редкая улыбка, его скупые, отточенные движения, его мягкую неслышную поступь. Вновь и вновь вставал перед глазами Элисы тот страшный момент, когда после ее выстрела Хорвин рухнул, как подкошенный, и сразу гнев и обида на него отступили, сделались не важны перед жуткой мыслью, что его больше не будет рядом. Она хорошо запомнила, как неловко пыталась его перевязать, в то время как Хорвин, усилием воли не давая своему сознанию скатиться в небытие, давал ей указания. Это не она в тот страшный миг помогала ему, это он помогал ей.

Четыре года миновало со времени тех странных событий, и их участникам казалось, что все осталось в прошлом. Но вот Элиса поселилась в маленьком домике своей кухни.

...

Дом Хорвина и Ровины выглядел скромно. Он занимал свое место в ряду подобных же на тихой улочке в стороне от более яркого и оживленного городского центра. Похожие друг на друга незатейливые домишки, отгороженные от узкой немощеной улицы невысокими палисадниками, служили жильем для семей среднего достатка. Дом был двухэтажным, почти квадратным по форме, и имел очень простую планировку. Узкий прямой коридор вел от парадного входа к черному, располагавшиеся по обе его стороны две равные по размеру комнаты использовались как гостиная и столовая, дальше, сразу за лестницей, начинались хозяйственные помещения. Второй этаж занимали четыре спальни. За домом располагался сад.

– Сад у нас небольшой, – неторопливо рассказывала Ровина, устроившаяся в кресле перед камином со своим шитьем. – Несколько плодовых деревьев, очень милый цветник, сейчас его, конечно, не увидишь, уютная лужайка. Когда мы соберемся прогуляться, я тебе покажу.

Ее собеседница занимала софу, с недовольным видом она перебирала пальцами ткань подола. Платье, надетое на ней, было ей немного коротко, и она чувствовала себя стесненно.

– А что украшает ваш сад? Павильон, грот, беседка, что-либо подобное? – вид у Элисы был скучающий.

– Беседка есть. Такое круглое деревянное строение на лужайке, о которой я тебе говорила. Летними вечерами мы любим пить там чай.

– Деревянная... – потянула Элиса разочарованно. – Я представляла нечто более изысканное.

– В ней очень уютно. Летом она увита плюшем, и из нее раскрывается вид на цветник. Но ей, конечно, не сравниться с беседкой из вашего парка.

– Да, – подтвердила Элиса, чуть заметно потягиваясь, – с нашим парком мало что сравнится. Сколько там цветов, и наш очаровательный зеленый лабиринт, и прелестный пруд, помнишь? Ты не скучаешь по нашему особняку в Ортвейле, Ровина?

– Мне хорошо здесь, в Хардоне, – улыбнулась Ровина.

Всю свою жизнь Элиса провела в Ортвейле. Ортвейл считал себя вторым городом в стране, уступавшим лишь великолепному Нэйдино, столице Эретрии. Высокие, нарядно украшенные дома отражающиеся в водах закованной в гранит величественной Орты, богатые

соборы, красивые театры и удобные манежи – все это составляло гордость жителей Ортвейла. Дочь состоятельного дворянина, выросшая в большом особняке, с детства Элиса привыкла относить себя к лучшей части общества. Жизнь ее протекала среди ортвейльской молодежной элиты, одни развлечения сменяли другие, едва остыв после бала, она торопилась посмотреть конные состязания в манеже, за этим следовали верховые прогулки или катания в колясках. Игры в крокет или гольф, званые вечера, посещения театра тянулись непрерывной чередой, и Элиса не представляла себе иной жизни.

Теперь она очутилась в Хардоне, скромном провинциальном городишке, где самый высокий дом не превышал трех этажей, а жители никуда не торопились и ничем не интересовались.

– Не понимаю, как здесь может быть хорошо, – заявила Элиса, поднимаясь. Она принялась расхаживать, нервно трогая кончиками пальцев спинки кресел. – Крошечный домишко, никакой прислуги...

– Конечно, столько прислуги, сколько у вас, здесь нет. Но горничной и кухарки, что у нас служат, вполне достаточно, чтобы справляться с нашим скромным хозяйством. Кое-что приходится делать самой...

– Самой! – Элиса скривила губки. – Да я вообразить себе не могу, что за мной не будет должного ухода!

– Просто ты с детства привыкла жить в роскошном особняке, где в услужении находятся десятки людей. Ты забываешь, что моя семья до переезда в ваш дом жила значительно более скромно. Я привыкла, чтобы часть домашних забот лежала на моих плечах, и мне это не кажется странным.

Элиса остановилась против стеклянной горки. Выставленный в ней старинный сервиз – подарок матери Хорвина – ее внимания не привлек, она пыталась рассмотреть свое отражение в стекле и недовольно хмурилась:

– Все-таки твое платье на мне выглядит маловатым. И смотрится оно как-то не элегантно. Неужели у тебя не найдется ничего повеселее.

– Меня мой гардероб устраивает. Но ты, я понимаю, привыкла к более ярким нарядам. Потерпи, вот придут твои вещи, и ты сможешь одеваться, как тебе нравится.

Элиса снова принялась прохаживаться, машинально накручивая на палец свой длинный локон, ее высокий лоб бороздили задумчивые морщинки.

– А как вы здесь развлекаетесь? Балы устраивают часто?

– Боюсь, совсем не так часто, как ты привыкла. Примерно раз в месяц бывает бал в дворянском собрании, потом время от времени случаются танцы на домашних вечеринках. Но у большинства наших знакомых в доме слишком мало места, и невозможно принимать много народу. Потом, летом иногда организуются пикники.

– Да как же вы живете?!

– Спокойно. Ходим друг к другу в гости, читаем книги, устраиваем домашние игры, если в доме есть фортепиано, музицируем. В хорошую погоду стараемся бывать на природе. Потом, находятся и другие занятия. Есть у меня одно дело, я скоро тебя с ним познакомлю. Хорвин, правда, не любит это мое занятие и хотел бы, чтобы я от него отказалась, но я считаю, что оно очень важное и нужное... Да ты меня не слушаешь?

Понурившись, Элиса стояла посреди комнаты, и личико ее печально кривилось. Ровина поспешно отложила шитье и подошла к ней.

– Да-да, я понимаю, наш образ жизни кажется тебе тоскливым, ведь ты привыкла к постоянному веселью, – она ласково сжала безжизненно повисшие ладони кузины. – Может, тебе лучше будет, если ты вернешься домой.

И тут она увидела, как в огромных элисиных глазах плеснул страх.

– Нет! Нет-нет! – быстро выговорила она, и Ровина почувствовала, как пальцы ее напряглись. – Не гоните меня, прошу вас, только не гоните меня!

Глава III

Весь первый год брака Хорвина не оставляло ощущение, что все, что с ним происходит – это лишь сон, что вот-вот он проснется в своей холостяцкой комнатухе один, а женщина, что называла себя его женой, окажется где-то далеко, в другой жизни. Он никак не мог до конца поверить, она, это чистое, светлое создание, смогла полюбить его со всеми его страстями, сомнениями и страхами, с его жесткостью, со всеми ошибками, что он натворил. Он не просто любил свою жену, он ее боготворил, он благословлял воздух, которым она дышала. Одной из самых ярких черт Хорвина была способность сосредотачивать все свои помыслы на одной идее, и теперь весь смысл его существования составляло его чувство к Ровине. Сейчас, когда позади был уже не один год брака, на его мятежную душу снизошло успокоение, он больше не метался в поисках идеала, как во времена своей беспокойной юности, не терзался и не терзал других при столкновении с человеческим несовершенством, он стал снисходителен и умиротворен, он был удовлетворен тем миром, в котором жил.

Приезд ровининой кузины принес угрозу его спокойствию.

– Не понимаю, зачем было так спешно уезжать из дома? – повторял он с остервенением. Хорвин нервно расхаживал по комнате, мирно устроившаяся у камина жена возражала ему.

– Но ты же помнишь, что писал мой отец о тех переменах, которые произошли с тех пор, как элисиная мать вышла замуж за этого Стаерса, – говорила она терпеливо. – И я ведь не сомневаюсь, что отец, шадя мои чувства, о многом умалчивал. Элиса рассказала мне о непрекращающихся дебошах, их дом заполнили какие-то гнусные личности, они не давали ей прохода, бедной девочке постоянно приходилось терпеть их грязные выходки. Ты представляешь, она не знала покоя в собственном доме! А мать ее на все закрывала глаза, страсть к этому прохвосту просто ее ослепила. И отец мой оказался не в силах приструнить этого мерзавца, ведь он не имеет настоящей власти, истинными владелицами всего имущества являются Элиса и ее мать, а отец лишь исполняет обязанности управляющего. Он прилагает огромные усилия, чтобы не дать растратить все состояние госпожи Котомак, и только. Ты ведь знаешь моего отца, он человек добрый и мягкий, а чтобы повлиять на этого проходимца, нужны твердость и жесткость. Хорошо еще, что отчим не имеет права трогать элисинову часть состояния, он не может разорить ее, он может лишь сделать ее жизнь в родном доме нестерпимой. Я лишь благодарю Бога, что моей дорогой бабушке уже не суждено быть свидетелем этих бесчинств. Не удивительно, что бедная сестра поторопилась уехать оттуда.

Но высказанные ею доводы Хорвина не удовлетворяли, он продолжал кипеть.

– Да, но могла же Элиса написать, попросить приехать и забрать ее. Ни к чему было так срывать из дома, даже не собравшись в дорогу. Это просто выходка взбалмошной девчонки, которой наскучило в родном доме!

Встав против жены, он прямо посмотрел в ее в спокойные светлые глаза.

– А может, – спросил он, – ей захотелось снова попытать свои силы, играя с твоим мужем?

– Нет, не думаю, чтобы причиной приезда было это желание, – возразила Ровина по-прежнему тихо, ее лицо оставалось таким же безмятежным, предположения Хорвина никак не взволновали ее. – Элиса выглядит по-настоящему встревоженной. Ну, а такие скоропалительные поступки как раз в ее духе. Никому бы из нас в голову не пришло так просто, в чем была, сесть на дилижанс и уехать.

Ее спокойствие возымело, наконец, свое действие. Хорвин заметил уже тише:

– Что касается скоропалительных поступков, могу сказать, что ты на них способна не в меньшей степени, чем твоя кузина, – тут его губы тронула слабая улыбка. – Вспомни, как я отговаривал тебя от спешного тайного брака со мной, я уж не напоминаю о других твоих затеях.

Жена улыбнулась в ответ:

– Да, ты прав, и я бываю скоро на решения. Видимо, у нас с Элисой эта черта семейная.

Несколько минут они смотрели друг на друга молча, объединенные общим воспоминанием. Худенькая, хрупкая девушка решительно идет навстречу незнакомцу. Серые глаза ее смотрят бестрепетно. Она идет навстречу своей судьбе, она бросила вызов, она решила завоевать сердце того, с кем сведет ее случай.

Хорвин снова принялся расхаживать по комнате.

– Ну почему Элиса приехала именно к нам?! – напряжение вернулось к нему.

– А ты подумай, к кому еще она могла обратиться. Ближе нас у нее никого нет.

– Да у нее сотни приятелей!

– Приятелей, но не близких друзей. И потом, идти к чужим, когда есть свои, родные!

– Я бы предпочел, чтобы она нашла кого-нибудь другого, – возразил Хорвин упрямо.

Его жена подняла голову.

– Хорвин, ты же не хочешь сказать, – тихо произнесла она, – ты не хочешь сказать, что откажешь ей в помощи?

Ее лучистый взгляд проникал в душу. Хорвин отвел глаза.

– Нет, конечно, – пробормотал он. – Я не собираюсь ее прогонять, просто... – присев на корточки перед женой, он ласково взял ее руки в свои, – просто... понимаешь, одно ее присутствие заставляет меня нервничать. У Элисы дар создавать вокруг себя напряжение, невозможно предугадать, что она вытворит в следующий раз.

– Она такая, ну что тут поделаешь! – сказала Ровина. – Относись к ней спокойно, не обращай на ее выходки внимания, и все будет в порядке.

Хорвин смотрел на жену с сомнением.

...

Так... Туалетный столик, комод, камин, кресло, шкаф, стул, ширма, второй стул, кровать... Туалетный столик снова, зеркало небольшое, как следует себя не рассмотришь, и выглядит слишком просто, ничего эстетичного, затем комод, царапина над ручкой, неужели нельзя было привести его в порядок, ведь он и так старый, выглядит убого, камин, надо на него что-нибудь поставить, нечто оригинальное и изящное, потом подумаю, кресло, кресло удобное, кресло мне нравится, и эта обивка в желтый цветочек смотрится очень мило, шкаф, не слишком вместительный, для моей одежды одного шкафа мало, как же быть, стул, ширма, надо было написать, чтобы прислали ширму из дома, более элегантную, снова стул, кровать, узкая, никакого полога, покрывало старое и бедное, придется найти замену, и опять все сначала, туалетный столик, комод, камин, и так крутишься и крутишься в этом кольце, и нет выхода...

Элиса не осознавала, сколько времени она простояла, глядя на комнату, где ей предстояло жить. Глаза ее медленно переходили от одного предмета к другому, мысли заторможено скользили по все тому же кругу, и на ее прекрасном личике была написана тоска.

– Элиса, ты разрешишь мне войти? – сказал из-за двери голос Ровины.

– Входи, – вяло откликнулась Элиса.

– Уже начинает темнеть, я принесла тебе свечу.

Элиса чуть шевельнулась.

– А почему свеча только одна? Я привыкла... – заговорила она чуть более оживленно, но тут же снова сникла, – ах да, все время забываю, где я нахожусь. Ладно, спасибо, поставь ее куда-нибудь.

Она отрешенно следила, как ее кухня устанавливает подсвечник на каминной полке. Покончив с этим, Ровина неторопливо прошла по комнате, подвинула стул, поправила покрывало на кровати.

– Как ты устроилась? Тебе удобно здесь? У тебя есть все, что нужно?

Элиса ничего не ответила, и Ровина поглядела на нее внимательней.

– Мне не нравится твой вид, ты кажешься усталой, – заметила она сочувственно. – Уже несколько часов ты никуда не выходишь, это совсем на тебя не похоже. Ты плохо себя чувствуешь?

Элиса провела рукой по лицу.

– Плохо себя чувствую? Нет, не в этом дело, – медленно проговорила она, думая о своем. – Я чувствую себя нормально, просто... Просто мне...

Внезапно встрепенувшись, она перешла к зеркалу. Нагнувшись к стеклу, всмотрелась в свое отражение.

– Ты действительно находишь, что я плохо выгляжу? – с беспокойством спросила она.

– Ты мне показалась какой-то бледной, осунувшейся.

– А больше ты ничего не замечаешь?

– Нет, но одно это уже необычно, ты всегда была такой бодрой, на щеках – румянец, вся пышешь здоровьем. Наверное, этот переезд тебя так утомил? Три дня одной в карете, без помощи и поддержки, это – тяжелое испытание.

– Конечно, переезд, – сразу согласилась Элиса. К ней вернулась ее обычная живость, и она принялась поправлять свою прическу. Не переставая возиться с локонами, Элиса быстро говорила, – ты не представляешь, как утомляет непрекращающаяся тряска, и эти постоянные дворы с грязью и тараканами, и ни одного приличного лица рядом, не с кем слова перемолвить. Мне казалось, дорога никогда не закончится, я еле дождалась, когда этот противный дилижанс доберется, наконец, до Хардона. Потом ваш унылый городишко, пустынные улицы, не у кого спросить дорогу, метель метет во всю, я продрогла до косточек. И обосновались вы в каком-то захолустье, я с трудом отыскала ваш дом. Не понимаю, как я не пропала совсем.

Ровина улыбнулась:

– Ну, не ворчи, все уже позади, теперь ты – под надежной защитой. – Элиса кинула на нее быстрый взгляд. – Конечно, для тебя наш тихий городок покажется скучноватым, но и у нас есть, чем заняться. Завтра же мы с тобой отправимся знакомиться с родителями Хорвина, потом я бы хотела показать тебе детский приют.

Элиса быстро обернулась:

– Детский приют? Почему ты заговорила о приюте?

– Потому что приют – одно из моих занятий, я часто бываю там, надеюсь и тебя заинтересовать. Понимаешь, эти бедные детишки...

– Ну что же ты замолчала? – Элиса не отрывала от кухни напряженного взгляда, но мыслями Ровина было уже далеко, она прислушивалась:

– Ты ничего не слышишь?

Элиса покачала головой:

– Нет, ничего. Так что же детишки?

– А я слышу, – глаза Ровины засветились. – Я всегда узнаю заранее, что Хорвин возвращается. Вот, слушай, это он заходит в дом.

Теперь уже и Элиса расслышала звук открываемой двери, и на лицо ее набежала тень. Ровина поспешила выйти, еще мгновение назад она была здесь, рядом, и вот уже дверь за ней закрылась, прозвенели по лестнице легкие, стремительные шаги, и Элиса осталась одна. Она еще постояла, хмуря лоб и задумчиво накручивая на палец свой длинный локон, потом вышла за кухней следом. Уже спускаясь по лестнице, она услышала их голоса. Слов она разобрать не могла, но каждая интонация свидетельствовала, как хорошо и покойно было друг с другом тем двоим. Губы у Элисы запрыгали, она остановилась, стараясь унять подступившие к горлу рыдания. Они не должны видеть ее такой, она не покажет им своего отчаяния, они не должны

знать, что с ней творится. Вцепившись в перила, Элиса застыла на узкой лестнице, еле освещенной из маленького квадратного окошка, одна, в чужом доме, без помощи и надежды.

Глава IV

Расположенный в лесистой долине речки Сарды, Хардон широко раскинулся по оба ее берега. Городской центр был невелик, вокруг ратушной площади на несколько кварталов тянулись ровные улицы, пересекающиеся под прямыми углами. Дома на них были небольшими и почти лишенными украшений. Кое-где можно было разглядеть остатки старой крепостной стены, лишь она, да здание ратуши и высокий Никольский собор несли на себе печать древности. Страшный пожар, уничтоживший значительную часть города два века назад, не прекратил существование Хардона, но заставил его растечься по большей территории. Особняки хардонской знати тяготели к левому берегу Сарды, там, сразу за ведущим от Ратушной площади мостом, лучами разбегались широкие улицы, утопающие в обширных садах. На правом берегу, вокруг самой старой части города с его бульварами, лавками и рынком на узких улочках теснились скромные домики, застенчиво прятавшие за собой небольшие садики. Именно здесь нашла себе место для жилья и семья Ристли.

Чиновники, стряпчие, клерки, составлявшие их окружение, принадлежали к той прослойке общества, что занимает промежуточное положение между простым рабочим людом и состоятельной знатью. Как правило, они обладали небольшим, но достаточно стабильным доходом. Большинство из них были людьми семейными, мужчины значительную часть своего времени отдавали службе, а женщины были заняты, в первую очередь, домом и семьей.

Жизнь Ровины протекала неспешно среди нехитрых женских забот. Проводив мужа утром на службу, два-три часа она посвящала хозяйским делам: нужно было отдать распоряжения служанкам, проследить за наведением порядка, украсить комнаты. Потом наступало время для выхода. Узкие улочки Хардона заполняли степенные дамы, вооруженные зонтиками, призванными укрывать как от дождя, так и от солнца. Они приветствовали друг друга, делились последними новостями, заходили в лавки, неторопливо обмениваясь мнениями, выбирали товар. Это было время для коротких визитов и нечаянных встреч.

Вторую половину дня Ровина чаще проводила дома, коротая время за чтением, шитьем, заботами о саде. Возвращался со службы муж и наступала очередь совместного обеда. Вечера супруги посвящали друг другу. Иногда они отправлялись с визитом или принимали друзей у себя, но больше предпочитали оставаться вдвоем, совместные прогулки в хорошую погоду, тихие вечера у камина в ненастье наполняли их жизнь спокойной радостью.

Теперь в этот размеренный, тягучий, неторопливый быт предстояло вписаться взбалмошной ровининой кузине.

...

Уютно укрытые снежными шапками домики, застывшие среди мирно дремлющих в зимней спячке садов, остались где-то позади. Теперь их окружали теснящиеся друг к другу покосившиеся лачужки и заваленные рухлядью унылые пустыри. Какие-то убого одетые личности рылись в куче отбросов, и пялились детишки, все в рванье, личики худые, вытарашенные глазенки выглядели огромными... «Ну что, что ты на меня уставился, на, на монетку, иди отсюда. И эти женщины с их угрюмыми, изношенными жизнью лицами, я не хочу, не хочу их видеть...»

– Куда ты меня привела?

– Приют, куда мы идем, – объяснила Ровина, – предназначен для детей, у которых нет родителей или родители сами находятся за гранью нищеты и не способны их содержать. Поэтому и расположен он в той части города, где обитает беднота.

Не глядя по сторонам, Ровина легко и быстро шагала вперед, на левом локте у нее покачивалась довольно объемная корзина. Не обремененная никакой ношей, Элиса, тем не менее,

с трудом попевала за ней, она все время с опаской косилась вокруг, и брезгливая гримаска морщила ее лицо:

– Значит, это не какое-нибудь достойное место, где дети получают образование и обучаются приличным манерам?

– Ну что ты! Нет, это – не платный пансион, в котором воспитываются дети из состоятельных семейств. Это – приют для тех, кому больше некуда пойти, кто иначе оказался бы на улице и погиб от нищеты и лишений. Что ты смотришь вокруг с таким омерзением? Их бедность достойна лишь сожаления.

– Я их боюсь.

Ровина расслышала легкую дрожь в элисином голосе и взглянула на кузину внимательней.

– Успокойся, мы скоро придем, – сказала она примирительно.

Но Элиса продолжала выглядеть встревоженной.

– Мне все кажется, что мое место – среди этих отвратительных женщин, – в ее расширенных глазах был страх.

Ровина остановилась:

– Что за странные фантазии, Элиса! Почему?

– У меня нет дома, – шепнула Элиса.

– Но это – не так, у тебя есть дом, твой дом, где ты выросла, и который принадлежит тебе.

– Я туда не вернусь.

Ровина сжала ее безвольно повисшую руку:

– Со временем все образуется, ты снова сможешь там жить.

– Ничего уже не образуется, – ответила Элиса тоскливо.

– Но даже если ты не сможешь вернуться к себе, у тебя всегда есть наш с Хорвином дом.

Элиса кинула на нее странный взгляд.

– Пока есть, – сказала она сумрачно.

Ровина ласково улыбнулась:

– У тебя нет никаких причин для беспокойства, мы никогда не откажем тебе в гостеприимстве.

Повисла пауза, Элиса продолжала хмуриться.

– Это сейчас вы меня принимаете, а потом... потом я вам надоем.

Быстро отвернувшись, она пошла вперед. Ровина поспешила следом, крича:

– Что ты такое говоришь! Элиса, подожди, Элиса! Я обещаю тебе, пока ты будешь нуждаться в помощи, ты ее получишь.

Торопливо догнав кузину, Ровина подхватила ее под руку и снова пошла рядом. Элиса смотрела перед собой.

– Ну что же, и где этот твой приют? – проговорила она, наконец, по-прежнему отводя взгляд.

За домиком, выглядевшим чуть приличней, покосившаяся вывеска которого выдавала в нем трактир, они свернули, дорога повела их через обширный пустырь, местами заросший низкорослым кустарником, впереди показалась небольшая, бедно выглядящая церквушка с прилепившимися к ней несколькими строениями, и вот, наконец, перед ними выросло большое серое здание, огороженное высоким глухим забором. Ровина позвонила у сколоченной из грубых досок калитки, им открыл пожилой привратник в поношенном тулупе, и молодые женщины вошли внутрь.

...

Мрачное серое здание охватывало большой квадратный двор буквой П. Несколько чахлах кустиков, выросших вдоль внешней стены, да установленных по краям простых скамеек было не достаточно, чтобы предать этому месту уютный вид. Посреди двора копошились дети: те, что помладше, возились со снегом, пытаясь выстроить из него какое-то корявое сооружение, несколько мальчишек кругами носились друг за другом, поодаль неторопливо прогуливались парами девочки постарше. Все дети были одеты в одинаковые коричневые плащи, старые, потертые, многие из которых красовались заплатами. На всем лежала печать уныния, и на облупившихся стенах, явно нуждавшихся в ремонте, и на двух озябших воспитательницах, что присматривали за гуляющими, и на самих воспитанниках, чьи худые несчастные личики были лишены красок.

Несколько девочек, осмелились подойти к Элисе поближе, толкаясь и перешептываясь, они с любопытством разглядывали ее наряд. Подбежал один из мальчишек и уставился на нее, из-под его шапчонки выбивалась копна ярких рыжих волос.

– А вы... Вы пришли, чтобы взять кого-нибудь? – внезапно спросил он низким голосом, взгляд его светлых глазенок так и буравил новую гостью. – Вы выбираете, кого усыновить?

Элиса затрясла головой и отодвинулась поближе к стоящей у центральной двери кухне. Ровина продолжала разговаривать с домоправительницей, высокой костлявой дамой в сером капоре, что была представлена Элисе, как госпожа Тридль. До Элисы доносились отдельные фразы: «...иголки заканчиваются, нужно несколько дюжин... госпожа Силенс обещала подобрать одежду, что уже не нужна ее детям... слегли еще двое, доктор очень обеспокоен...» Элисе очень хотелось прервать этот бесконечно тянущийся разговор, но она не решалась. Она не чувствовала себя здесь хозяйкой и потому продолжала топтаться на одном месте, с беспокойством поглядывая в сторону гуляющих детишек. Наконец Ровина с домоправительницей договорились, о чем хотели, и Элису повели осматривать здание приюта.

– В этом крыле расположены спальни девочек, а мальчики помещаются с противоположной стороны здания, – степенно рассказывала домоправительница.

Элиса с недоумением оглядывала помещение с простыми крашеными стенами, вдоль которых тянулись два ряда кроватей, и полные губки ее были презрительно поджаты. Не замечая ее неприязни, госпожа Тридль продолжала объяснять:

– Первая комната предназначена для наших самых маленьких воспитанниц, потом следует помещение для девочек постарше, и, наконец, комната для самых взрослых. Дальше находятся классные комнаты, а по центру здания располагается столовая. Столовая у нас достаточно велика, чтобы вместить всех воспитанников...

– Как, – не сдержалась Элиса, удивленно морща брови, – их удовлетворяет такая жизнь в общем помещении, ни у кого нет своего уголка, все на виду?

– Я уверена, любой из наших воспитанников предпочтет эту комнату жизни под забором, – госпожа Тридль бросила на Элису строгий взгляд, и та смущенно потупилась. – Приют наш существует только на благотворительные пожертвования, мы с трудом сводим концы с концами и рады любой помощи,

Госпожа Тридль распахнула дверь в обширное помещение с высокими сводчатыми потолками, длинные столы тянулись из одного конца в другой, низенькая полная служанка раскладывала на них куски хлеба, другая разливала коричневого цвета жидкость в простые глиняные кружки.

– Скоро мы пригласим воспитанников на полдник, – пояснила домоправительница и повернулась к Ровине, – прошу прощения, я оставляю вас ненадолго, мне надо отдать кое-какие распоряжения.

Подойдя к ближайшему столу, Элиса взяла одну из кружек и осторожно понюхала.

– Что это? – спросила она с недоумением.

– То, что заменяет им кофе, – спокойно ответила Ровина, забирая у нее кружку и возвращая на ее место.

– Не понимаю, как это можно пить!

– Элиса, ты забываешь, что далеко не все живут в таком достатке, как ты.

Перед элисиными глазами вновь предстала картина, увиденная ею, как только они с Ровиной пришли в приют. Ее кухня достает из корзины пирожки, вокруг нее толпятся эти убогие дети, их вытаращенные глазенки жадно горят, вытянутые руки расхватывают угощение и тут же их прячут среди одежды, и от поднятого ими шума у Элисы звенит в ушах. Элиса тряхнула головой, отгоняя неприятное видение.

– Ну хорошо, хорошо, я знаю, что здесь – приют для бедноты, – заговорила она, отвернувшись от стола и брезгливо отряхивая руки. – Мне не ясно другое. Тебе, тебе-то зачем все это нужно. В мире множество бедных, ну и пусть их! Зачем обременять себя возней с какими-то бедолагами, когда есть множество более интересных занятий.

– Если кто-то нуждается в помощи, и я могу оказать ее, я чувствую, что должна это сделать, – мягко сказала Ровина.

Элиса недовольно пожала губы:

– Невозможно помочь всем нуждающимся.

– Всем, конечно, помочь невозможно, – согласилась Ровина. – Я хочу помочь хотя бы некоторым. И потом, когда я вижу, что моими усилиями кому-то сделалось чуть лучше, и на душе у меня становится светлее.

Элиса пожала плечами, как бы говоря: «не понимаю», и направилась к выходу. Ровина догнала ее и пошла рядом. Элисино отношение к приюту ее не удивило, такое мнение ей было знакомо. Перед глазами сразу встал другой человек, не раз высказывавший схожие мысли.

– Знаешь, – заговорила она, беря кухню под руку – ты не одинока в своем мнении. Хорвин тоже считает, что мне не следует заниматься приютом.

Элиса остановилась, в глазах у нее промелькнул интерес:

– Хорвин? Вот как?

Ровина вздохнула, ей вспомнились их бесконечные споры о том, чем ей следует и чем не следует заниматься.

– Он тоже говорит, что это – не мое дело, что всем помочь невозможно, – Элиса внимательно на нее смотрела. – Но я знаю, что дело совсем в другом. На самом деле он просто ревнует.

Элисины брови поползли вверх:

– Ревнует?

Ровина пожала плечами:

– Конечно. Он ведь такой собственник, ему бы хотелось, чтобы я принадлежала ему вся, без остатка. А у меня находятся какие-то свои занятия, не имеющие к нему никакого отношения, вот он и ревнует.

Ревность Хорвина была той червоточинной, той каплей дегтя, что встречается даже в самых счастливых семейных парах. Споры, взаимные обиды грозой проносились над их домом, и хотя за ссорой всегда следовало примирение, обоим не оставляло ощущение, что между ними нет полного согласия.

Лукавый огонек промелькнул в элисиных глазах:

– А к молодым людям он тебя не ревнует?

– А вот этого как раз нет, – улыбнулась Ровина. – Он прекрасно знает, что кроме него для меня никого не существует.

...

До дома оставалось уже немного, когда Элиса остановилась, как вкопанная, и заявила, что не сделает дальше ни шагу, пока не передохнет. Пришлось зайти в случившийся рядом трактир. Трактир оказался небольшим, и, видимо поэтому, здесь не было обычной для таких заведений суеты и толкотни. Простые деревянные столы без скатертей выглядели чисто, одинаковые стулья с высокими спинками и пылающий жаром камин придавали помещению уютный вид. Посетителей оказалось немного: две дамы что-то оживленно обсуждали за своим столом, да пожилой господин в пенсне степенно вкушал обед.

Запросив себе чаю и сладкого пирога, Элиса с жадностью накинулась на еду. Неторопливо отхлебывая из своей чашки, Ровина с сочувствием на нее поглядывала. Она видела, насколько утомительным оказался для Элисы этот день, как тяжело ей было находиться среди людей, чей смысл жизни составляло не праздное времяпровождение, как у нее самой, а их работа, насколько чужды были ее кухне сами интересы бедных приютских детишек. Не надо было, сокрушалась Ровина, приводить ее туда, она слишком привыкла, с малых лет была приучена тратить жизнь на себя самое, и никакая благотворительность не может ни заинтересовать ее, ни доставить ей удовольствия.

Элиса с жадностью пила уже вторую чашку, и ее усталое личико бороздили тени. Что-то беспокоило ее, что-то забрало у нее свойственные ей жизнерадостность и беспечность. Но вот горячий чай вернул краски на ее побледневшие щеки, Элиса оживилась и стала забрасывать кухню вопросами. Оказалось, что многое из увиденного вызвало-таки в ней интерес, и она жаждала во всем разобраться.

– И что их, действительно, приносят прямо в корзинах?

Об оставленных в корзинах младенцах упоминала госпожа Тридль. Ровина объяснила, что часто матери, вынужденные отказаться от своего ребенка, подкидывают новорожденного на церковную паперть или прямо к дверям приюта. Причины такого поступка бывают разные, одних на это толкает бедность, другие избавляются таким образом от своего незаконного плода. Рассказ произвел на Элису впечатление.

– И все приютские дети – вот такие, из корзины? – черные глаза ее были удивленно расширены.

Ровина покачала головой:

– Нет, что ты! Дети попадают туда по-разному. Кто-то остается сиротой после смерти всех близких, кого-то родные сдают в приют, понимая, что сами не в силах прокормить ребенка.

Тут ей вспомнился десятилетний Стэси. Он с сестрой оказались в приюте относительно недавно. Отца с матерью в короткий срок унес тиф, из родных осталась лишь еще не старая, но уже изношенная жизнью тетка, которая не могла их взять, так как сама с трудом тянула своих троих детишек. Возможность пристроить брата с сестрой в приют можно было считать избавлением для всех. Но Стэси никак не приживался в казенной обстановке. Сестра его легче приняла приютские порядки или потому что была старше, или у нее, как у девочки, оказалось больше терпения. А Стэси тосковал. Он то прятался по темным углам, то становился неуправляемым. В такие минуты он с криком носился по двору, набрасываясь с кулаками на каждого, кто пытался его остановить. Ровина не раз пыталась успокоить его, приласкать, но мальчик оставался безутешен, и взгляд его беспокойных светлых глазенок и непокорные рыжие вихры, с которыми не мог сладить ни один гребень, часто стояли у нее перед глазами.

Элиса, казалось, забыла об их разговоре, она была погружена в себя и задумчивые морщинки туманили ее высокий лоб. Наконец она встрепенулась.

– Да что мы все о приюте, да о приюте, – капризно потянула она, движением руки отметаая от себя приютские проблемы. – Что, нельзя найти темы поинтереснее? Давай лучше поговорим о супругах Ристли.

За день до этого Ровина познакомила свою кухню с родителями Хорвина. Их принимали в той же комнате, в которую Хорвин когда-то впервые привел свою подругу. И также доброже-

лательно улыбались глаза хозяйки, Эрейны Ристли, сочувственно слушавшей элисин эмоциональный рассказ, и муж ее хранил свое обычное молчание, и в уютной гостиной с кремовыми шторами царил покой. Эрейне Ристли было уже за пятьдесят. Не смотря на возраст ее фигура еще сохраняла стройность, карие глаза гармонировали с золотистыми, лишь немного тронутыми сединой волосами. Внешность Карита: его смуглая кожа, еще черные несмотря на проступающую седину волосы и вытянутое лицо выдавали его иноземное происхождение – он был родом из горцев – свободолюбивого народа, проживавшего в Дригестинских горах, раскинувшихся на южной границе Эретрии.

– Ты знаешь, – в элисином взгляде загорелось любопытство, – я так и не поняла, кем Хорвину приходится госпожа Эрейна?

Поддавив легкий вздох, Ровина переключилась на новую тему:

– Пожалуй, правильнее было бы назвать ее мачехой, ведь она является второй женой его отца. Но так как именно она растила Хорвина с самого детства, он всегда зовет ее матерью.

– Госпожа Эрейна мне понравилась, – заявила Элиса. – Но отец Хорвина... Он ведь, кажется, из простых. А госпожа Эрейна больше напоминает знатную даму.

– Так и есть, – подтвердила Ровина. – Она принадлежит к обедневшей ветви знатного семейства.

Карит Ристли служил егерем. Дома он появлялся нечасто, проводя большую часть времени на месте своей службы, в имении графа Дэртмура. Когда-то давно госпожа Эрейна поведала Ровине историю своего знакомства с простым егерем, их безнадежную любовь, так как оба они оказались связанными семейными узами, их позднее соединение, когда через несколько лет после смерти при родах жены Карита болезнь свела в могилу и мужа Эрейны. Не зная ничего этого Элиса презрительно надула губки.

– Как странно, что такие люди оказались вместе. Не понимаю, что их объединяет!

Ровина предпочла ничего не объяснять, если госпожа Эрейна захочет, она обо всем поведаст сама. Поэтому она ответила коротко:

– Их объединяет всего лишь любовь. Тебе это кажется невозможным?

Элиса молча потупила глаза, уж она-то прекрасно представляла, как это неистовое, всепоглощающее, ужасное чувство может сводить с ума. За столиком воцарилось молчание, тень набежала на обычно спокойное ровинино лицо, Элиса, печально хмурясь, задумчиво водила пальчиком по столу.

– Но этот Карит... – заговорила она вновь, – он производит неприятное впечатление. Все молчит и молчит, и сверлит тебя своим мрачным взглядом. Ну что он от меня хочет?!

Ровинино лицо сразу осветила улыбка, и морщинки, бороздившие ее лоб, разгладились.

– Не думаю, чтобы он хотел от тебя чего-либо. Он, действительно, очень молчаливый человек, в разговор вступает только, когда находит нужным. Так что, тебе не о чем беспокоиться.

Элиса гордо вздернула голову:

– Вот еще! Я и не беспокоюсь. Просто мне неприятно такое поведение. – Мысли ее тут же перескочили на другое, – послушай, я заметила, что у него ладонь искалечена. Ты не знаешь, как это случилось? Наверное, это было на охоте, он ведь – егерь.

Левая ладонь Карита была скрючена, и он не мог ей свободно пользоваться. На элисин вопрос Ровина покачала головой отрицательно:

– Нет, это не связано с охотой. Хорвин говорил, что руку его отец покалечил в юности, когда еще жил на родине. С ним тогда случилась какая-то тяжелая история, но что именно, я не знаю, Карит никогда об этом не рассказывал.

Элиса округлила глаза:

– Как интересно! И ты не пыталась разузнать, в чем там дело?

– Нет, я уверена, что, если он сочтет нужным, он сам скажет, а заговаривать об этом первой я считаю неэтичным.

– Какая ты все-таки правильная, – поджала Элиса свои полные губки. – А вот я бы поинтересовалась.

– И получила бы отпор, – ответила Ровина спокойно. – Отец Хорвина никому не позволяет лезть себе в душу.

Элиса пожала плечами.

– Ну, как знаешь! – Она скользнула вокруг скучающим взглядом, потом глаза ее вновь загорелись и, наклонившись к Ровине, она сказала заговорщицким шепотом, – послушай, а не заказать ли нам еще и булочек со сливками?

Глава V

- Ты читаешь эту книгу?
- Да.
- А я часто думаю о том, что было между нами. А ты... ты думаешь?
- Нет.
- Я все помню...
- Ты что-то хотела?
- Я только... Ровина просила передать, что обед будет через десять минут.
- Скажи ей, что я сейчас спущусь. У тебя все?
- Д-да... Так мы... ждем тебя?

Элиса поворачивалась на каблуках так, что подол ее платья закручивался, и выплывала из комнаты. Хорвин отшвыривал книгу, которую читал, и мрачно смотрел ей вслед. Все опасения его оправдались: как и в былые времена, она пыталась с ним заигрывать. Элиса не упускала ни одной возможности продемонстрировать ему свою привлекательность. Когда она шла мимо него той чуть раскачивающейся плавной походкой, от которой так соблазнительно колыхается пышная ткань подола, когда она склоняла набок свою очаровательную головку, и черные глаза ее искоса смотрели на него из-под приспущенных ресниц, когда она, устроившись напротив, принимала изящную позу, выгодно подчеркивающую ее точеную фигурку, он знал, что она проделывает все это для него только одного. Ни малейших сомнений не вызывало значение этих обращенных к нему двусмысленных улыбок, завлекательных взглядов, многозначительных просьб. Когда он возвращался со службы, она, как бы невзначай, встречала его еще на улице, и, состроив на личике очаровательную гримаску, просила довести себя до дома. Она норовила оказаться с ним наедине, и, едва ей это удавалось, принималась оживленно болтать, стараясь и его заразить своим весельем. И во всем, о чем бы она ни говорила, об объединяющих их в прошлом событиях, о своих былых победах, о своих интересах, во всем звучала одна мысль: посмотри на меня внимательно, оцени меня по достоинству, разгляди, наконец, как я хороша. И всегда, и везде его преследовал ее настойчивый взгляд, в нем был призыв, в нем была мольба, и в нем не переставала биться тревога.

Ибо за его внимание сейчас боролась не та молодая женщина, которую он знал когда-то. Она не была уже завоевательницей, триумфально шествовавшей от одной победы к другой. Вокруг нее больше не кружились отдававшие ей дань восхищения поклонники. Она не была хозяйкой роскошного особняка, в котором легко было бы осыпать милостями любого гостя.

Она была теперь просительницей. Она сама просила крова, она просила заботы, она просила участия. Она просила внимания у человека, который когда-то уже предпочел ей другую.

И все-таки Хорвин не мог понять, осознает ли она безнадежность своей борьбы. Она не выглядела несчастной проигравшей. Молодая женщина, пытающаяся вызвать его интерес, прекрасно знала себе цену. Знала цену своей внешней привлекательности, своему умению подавать себя, знала цену исходившему от нее ощущению жизненной силы.

Но, главное, он видел в Элисе человека, никогда не сдающегося, не привыкшего и не умеющего отступать. И это вызывало у него тревогу.

...

- Эта девица просто не дает мне прохода.
- Она такая. Ей все время нужно кого-нибудь завлекать.
- Не кого-нибудь, а меня.
- Ты что, боишься не устоять?

- Нет, но... меня беспокоит ее настойчивость. Я не знаю, чего еще от нее ожидать.
- Не стоит так тревожиться. Она просто не умеет по-другому. В конце концов, она была когда-то влюблена в тебя.
- По-моему, не только когда-то.
- Ну, так пожалей ее. Не каждому повезет полюбить взаимно.
- Ты можешь жалеть ее?
- Я же – счастливая соперница.
- И все же я боюсь того, что может придти к ней в голову.

...

Так, бархатное вишневое с кружевной отделкой. Очень мне идет. К нему лучше всего подходят гранатовые серьги. Шелковое темно-синее в золотистую крапинку. Эффектно смотрится с желтым кушаком. Зеленое, расшитое темно-красными розами. Это я не слишком люблю, напрасно его прислали. А вот это, из яркой желтой парчи, с пышным шлейфом, мне очень нравится. Когда граф Ройтон увидел меня в нем на балу, сразу сделал мне предложение. Может, стоило согласиться? Была бы сейчас графиней, ни о чем не беспокоилась... А, впрочем, он – такой скучный, с ним бы я истосковалась. Ладно, пошли дальше. Белое муслиновое с рисунком из мелких васильков. Оно мне понадобится летом. Боже, неужели через полгода я буду все еще здесь. Не хочу думать! Что там еще? Бархатная черная амазонка, люблю ее, она выгодно подчеркивает мою фигуру. Помню, именно в ней я была на той прогулке с Хорвином. Боже, как с ним было интересно! Но куда я ее одену теперь, здесь же не держат лошадей? И как я размещу все это в моем шкафу? Разве в нем хватит места? Ну-ка, посмотрим... Так я и знала! Ровина! Ну, где ты? Ровина!

Элиса высунулась в коридор.

- Что ты шумишь? – быстрой, легкой походкой Ровина шла к ней. – Тебе нужна помощь?
- Конечно, нужна! – Элиса обиженно надула губки. – Я просто с ног сбилась, пытаюсь разобрать одежду, что прислали из дома.

Зайдя внутрь комнаты, Ровина уставилась на ворох платьев и накидок разноцветной грудой валявшихся на элисиной кровати. Шарфы, шали, ленты, перчатки и прочие аксессуары, призванные дополнить и украсить женский туалет, были разложены на кресле, стульях, туалетном столике. Комната пестрела всеми цветами радуги, и среди этого беспорядка в растерянности стояла ее хозяйка.

- Не представляю, куда это развесить, – сказала Элиса нервно.

Ровинино лицо осветила лукавая улыбка.

- Ну вот, теперь ты в своей стихии, не скупаешь больше, – она ласково обняла Элису за плечи. – А что делать со всем твоим имуществом, мы сейчас придумаем,

Она еще раз окинула комнату внимательным взглядом. Заглянула в шкаф, подошла к комоду, задумчиво потрогала стоящую возле туалетного столика ширму, потом повернулась к кухне.

- Думаю, можно отгородить тот угол ширмой и устроить здесь нечто вроде гардеробной. Мы поставим туда вешалку, даже лучше две...

Элиса взглянула на угол, что указывала Ровина, и лицо ее исказила недовольная гримаска:

- Я не привыкла, чтобы гардеробная занимала часть моей комнаты. Тут и так негде разместиться.

- Я понимаю, тебе трудно привыкнуть к новому месту, – сказала Ровина примирительно. – Когда-то и мне этот дом казался таким маленьким, и я не представляла себе, где

расставить и разложить все необходимое. Но видишь, все прекрасно устроилось, и теперь мне здесь очень нравится. И ты привыкнешь.

– Вот еще. Даже не считаю нужным привыкать, – потянула было Элиса, но кузина, не обращая внимания на ее недовольство, ласково похлопала ее по руке:

– Давай лучше займемся делом. Я поищу подходящую вешалку, а ты попробуй рассортировать свою одежду.

Лицо Элисы сразу сделалось жалобным:

– Да я и не умею этим заниматься. Для таких дел есть прислуга.

– У Фелиты много работы, я не могу ее просить еще и об этом, – строго сказала Ровина, но, видя, что Элисино лицо совсем вытянулось, добавила, – не беспокойся, я помогу тебе.

Тут новая мысль зажгла глаза Элисы.

– Послушай, у меня появилась идея! – обогнув кухню, она стремительно выскочила в коридор. – Видишь! Вот, эту комнату видишь!

Ровина вышла за ней следом. Элиса указывала на дверь комнаты, находящейся напротив ее собственной.

– Она же не никому не нужна. Вы с Хорвином занимаете две комнаты, я – третью, а четвертая ведь пустует, – Элиса торжествующе посмотрела на кухню. – Почему бы ее не использовать? Мы можем разделить ее на две части, в одной мы устраиваем мне гардеробную, а в другую поселим мою горничную. Ты говорила, что для нее в доме нет места, но мы можем использовать эту комнату. Ведь так? Хорошо я придумала?

Ровина чуть заметно покачала головой.

– У этой комнаты уже есть предназначение, – она достала небольшой ключик, вставила его в замочную скважину и широким жестом распахнула дверь. – Смотри!

Элиса шагнула вперед. Глазам ее предстала самая светлая, самая радостная, самая милая комната в этом доме. Веселые яркие обои, нежнейшего тона голубые занавеси, очаровательный маленький столик и два таких же крохотных стульчика к нему, детская колыбель...

– Это – детская? – пролепетала Элиса ошеломленно. – Но ведь вы же... Но у вас же... у вас же... нет детей.

– Еще нет, – поправила ее Ровина, улыбаясь.

– Разве ты... ты ждешь...

– Да, я жду ребенка, – подтвердила Ровина. Глаза ее сейчас сияли тем светом, который дает только радость материнства. Оживление сползло с элисиного лица.

– Да, но ты же... Ведь вы уже достаточно долго женаты, и до сих пор... – пробормотала она. – Я и не думала...

– Я понимаю, что ты хочешь сказать, – оборвала Ровина ее бессвязную речь.

Она вошла в комнату тем летящим шагом, каким спешат навстречу радости. Стремительно прошла по детской, поправила стульчик, качнула кроватку, раздвинула занавеси, пускающая в комнату больше света. Луч низко стоящего февральского солнца лег на светлый полог детской кроватки, заставляя его играть яркими красками. Волосы стоящей у окна Ровины, просвеченные солнцем, стали золотыми, казалось, она вся светится от переполнявшего ее счастья.

– Ты только подумай, как оживет это место, когда здесь зазвучит детский смех! – ровинин голос звенел.

Она обернулась к кухне, приглашая и ее порадоваться вместе с ней. Однако Элиса смотрела испуганно. Но Ровина уже ничего не замечала, волнение захватило ее, она торопилась вылить на кухню все, что давно стало главным в ее жизни.

– Ты вообразить себе не можешь, как я ждала этого ребенка! Долгие, невыразимо долгие четыре года. Казалось, все надежды бесплотны. Доктор даже предполагал, что это – последствия того времени, когда мы с Хорвином вынуждены были ночевать на голой земле, – Ровина стиснула руки, теперь в глазах у нее промелькнул след прошлой боли. – Ты представляешь, что

мне пришлось пережить! Это тоскливое ожидание, эта пустота внутри, которую ничто не может заполнить. Хорвин легче переносил разочарование, ведь он мужчина, его не переполняла так жажда материнства. Я никогда не говорила ему о предположениях доктора, он стал бы винить себя, весь извелся бы. Все равно изменить ничего было нельзя... – Она глубоко вздохнула и тряхнула головой, прогоняя тяжелые воспоминания. – Какое счастье, что теперь все позади! Я жду не дождусь, когда возьму, наконец, на руки своего малыша.

На протяжении всего рассказа Элиса не отрывала от нее растерянного взгляда:

– А много еще тебе...

Ровина положила ладони на свой живот и радостно улыбнулась:

– Позади пол срока. Скоро уже станет заметно.

Глава VI

Близок уже тот несчастливый миг, что разведет пути наших героев и поставит каждого перед мучительным выбором, как жить дальше. Однако, прежде чем «роковая женщина», ворвавшаяся столь внезапно в дом счастливой семейной пары, разрушит их мирный быт, рискнем сказать еще несколько слов.

Автор, пишущий беллетристическое произведение, удерживает внимание, громоздя одну критическую ситуацию на другую, с первых же страниц он ошарашивает читателя неожиданными поворотами действия и стремительной сменой декораций. Сложнее приходится тому, кто взял на себя смелость повествовать историю человеческих отношений. Темповое развитие событий здесь не столь возможно, ведь естественная жизнь течет неторопливо и неброско. И раскрывать характеры героев, выстраивать их взаимоотношения, вводить читателя в сопро­вождающие действие обстоятельства приходится среди рутинных хлопот и банальных разговоров. Так, настоящая глава посвящена описанию традиционного званого обеда, что был принят в те давние времена и являл собой одну из основных возможностей общения между людьми. Вводя данный эпизод, автор преследует сразу несколько целей, одна из которых – познакомить читателя с очередным героем нашего повествования.

– А я утверждаю, что рыбная ловля, в хорошем, конечно, местечке, приносит истинное наслаждение. Вы не согласны, Хорвин?

– Я понимаю ваши чувства, но для меня этот род деятельности долгое время был просто средством добычи пропитания.

– Надеюсь, вы говорите не о настоящем времени?

– О нет, те времена давно миновали. Теперь я обычный городской житель, и, пожалуй, не сразу вспомню, когда последний раз держал удочку в руках.

– И вам никогда не хотелось восстановить старые навыки.

– Что ж, это было бы забавно.

– Ловлю вас на слове. Как только придет сезон, я приглашаю вас на совместную рыбалку. (Рыбалка, скажут тоже! Что за чудное занятие, не понимаю, какой в этом интерес?)

– Скоро придет время начинать обучение нашей старшенькой. У меня это уже сейчас не выходит из мыслей. Так важно найти хорошую гувернантку.

– Да, приличные гувернантки – такая редкость. Мы с мужем перепробовали троих, пока остановились на подходящей. Я дам тебе адрес агентства, что этим занимается.

(Опять дети! Да что же они все о детях и о детях? Не могут найти другой темы!)

– В газетах опубликованы данные последней переписи населения. Вы не находите, что положение выглядит удручающе?

– Напротив, численность народонаселения растет, и я это расцениваю позитивно.

– Но как же всех прокормить? Как изыскать ресурсы?

– Мне мыслится, что для решения этого вопроса существуют много возможностей: от совершенствования методов ведения сельского хозяйства до внешней эмиграции.

– Хорвин, вы оптимист.

(Не понимаю, о чем это они толкуют. Неужели нельзя говорить о чем-то понятном! Интересно, обратил внимание Хорвин на мое темно-синее платье? Я знаю, оно мне очень идет.)

– До окончания курса мне остается еще два года, и тогда я могу начать становиться на ноги.

– И кем же вы будете?

– О, я буду юристом, «законником», как любят говорить наши дамы. Хотя прежде, чем можно будет создать собственную контору, придется поработать компаньоном в какой-нибудь из уже существующих. Необходимо набраться опыта, завести связи...

(Боже, какой он зануда! Думает, мне интересно, что там ему надо будет делать!)

Дружный стук ножей и вилок перемешивался с веселым говором. Обычно тихая столовая в доме Хорвина сейчас была заполнена людьми: супруги Ристли давали званый обед, желая ввести свою гостью в общество. Элисины глаза горели, она чувствовала себя в своей стихии. Лишь вполуха прислушиваясь к словам своего соседа, она с любопытством вертела головой, разглядывая присутствующих. Неторопливо и важно цедил слова солидный господин с аккуратно подстриженными бакенбардами, сидевшая рядом с ним узколицая, длинноногая дама держала себя в такой же манере полного осознания собственной праведности. Другая пара представляла собой иную картину: розовощекий и круглолицый господин с маленькими добродушными глазками говорил высоким фальцетом и часто смеялся, его спутницей была полноватая белокурая молодая дама, с лица ее, такого же округлого и розовощекого, не сходила доброжелательная улыбка. Соседом Элисы был молодой человек, лукавые карие глаза его за круглыми очками искрились весельем. Занимавший место в главе стола Хорвин говорил редко, но его высказанные негромким спокойным тоном реплики выслушивались собеседниками с полным вниманием. Мужчины переходили от одной возвышенной темы к другой, дамы, как обычно, волновали более приземленные вопросы, связанные с домом и семьей.

– Скажите, господин Зальцер... – оборвала Элиса речь своего соседа.

– Вы можете называть меня просто Берегонд, – сразу отозвался тот.

– Вы очень милы. Скажите, Берегонд, вы мне не можете лучше узнать присутствующих. Понимаете, я здесь – лицо новое, ни с кем еще не знакома.

– Охотно. Полагаю, кроме хозяев дома вы должны знать госпожу Эрейну Ристли.

– О да, я ей была представлена. Но остальных я впервые увидела сегодня.

– Ну что ж, попробую рассказать обо всех вкратце. Прежде всего Берегонд Зальцер, недочившийся студент юридического факультета, ваш покорный слуга.

Элиса вежливо склонила голову:

– Очень приятно.

– Тот полный серьезный господин с бакенбардами, что с важным видом рассуждает о политике – господин Джозия Зальцер, мой дядя, в доме которого я сейчас изволю проживать. Имеет достаточный доход, чтобы содержать не только жену с двумя детьми, тещу и, вдобавок, меня, студента-недоучку. Серьезен, солиден, строг, шуток не любит. Худая, длинная особа рядом с ним – его жена, госпожа Сэлия Зальцер. Господин, сидящий напротив них – тот, что добродушно улыбается, помните, он еще говорил о рыбалке, это – господин Клэд Дорвида. Служит вместе с Хорвином. Жена его – та полноватая блондинка, что оживленно говорит с Сэлией. Имеет уже троих детей и явно не собирается на этом останавливаться (Берегонд намекал бывшее уже заметным положение госпожи Дорвида). Имя ее Кориана.

– Вы очень понятно объясняете, – сказала Элиса, задумчиво водя пальчиком по столу. – А вы можете мне сказать, что связывает этих людей с моими родными.

– Кориана, Сэлия и ваша кузина – подруги. Муж Корианы, как вы уже слышали, служит вместе с Хорвином. Есть и более давние связи, но об этом мне мало что известно, я сам живу здесь чуть больше года. Как я слышал, Хорвин, Сэлия и Кориана были знакомы еще в юности. Был еще один человек, их объединявший. Брат Сэлии, некто Дарти Гардуэй был хорошим приятелем Хорвина и считался женихом Корианы. Но, как я слышал, помолвка расстроилась, это сопровождалось каким-то скандалом, Дарти вскоре уехал из города, и больше здесь уже не появлялся.

– Как интересно, – потянула его внимательная слушательница, в глазах ее загорелся огонек любопытства. – А вы не знаете, в чем там было дело?

Берегонд лишь покачал головой:

– Об этом у нас в доме не любят вспоминать. Я не знаю подробностей той старой истории.

– Берегонд, Элиса, мы хотели бы услышать ваше мнение, – высокий голос Сэлии заставил их отвлечься от своей беседы и прислушаться к разговору других. – У нас вышел спор. Ровина утверждает, что ожидание ребенка – всегда приносит радость, а я считаю, что многое зависит от обстоятельств, сопровождающих это событие. А вы как думаете?

– Ожидание ребенка? – пробормотала Элиса растеряно.

Вырванная из обсуждения увлекательной темы неожиданным вопросом, она с трудом пыталась собраться с мыслями, ее лоб покрылся тонкими морщинками, глаза болезненно сощурились. Наконец она промямлила:

– Не знаю, мне как-то не приходилось задумываться. Мне кажется, я слишком молода для этого.

– А на какие обстоятельства намекает Сэлия? – поинтересовался Берегонд.

– Я думаю, это ясно каждому, – Сэлия строго поджала губы. – Я говорю о тех случаях, когда ожидается незаконный ребенок.

На минуту воцарилось молчание, взоры всех собравшихся обратились к спорящим. Ровина опустила глаза:

– И все-таки, мне представляется, – заговорила она тихо, – что материнство у каждой женщины в крови. В каждой из нас самой природой заложено желание иметь детей. И если появление на свет ребенка сопровождается печальными обстоятельствами, несущими позор и его матери, и ему самому, тем труднее приходится этой несчастной женщине. Ей приходится разрывать между естественным чувством радости и страданием, приносимыми одним тем же событием.

– Вот уж кто не вызывает у меня сочувствия! – в тоне Сэлии появилась жесткость. – Если женщина распутна, она достойна лишь презрения.

– А я представляю себе, что таких несчастных можно пожалеть, – вступила в разговор Кориана. – Ведь их падение может сопровождаться разными обстоятельствами.

Легкий шум за столом был ответом на ее слова, разговор внезапно сделался общим.

– А я утверждаю, что общество должно и будет всегда отторгать падших женщин! – гремящий голос господина Зальцера перекрыл остальных. – Господом нашим установлен порядок, по которому мужчина и женщина создают семью, и лишь совместно растят детей своих. И женщина, что пренебрегла сим обычаем и не сохранила чистоту свою, должна быть изгнана из общества!

Жена его согласно закивала, сидящий напротив господин Дорвида приподнял свой бокал в знак поддержки. Берегонд пробормотал себе под нос: «А как же быть с теми, кто грешит, уже состоя в браке?» Элиса сидела, молча глядя перед собой. Мать Хорвина чуть нагнулась вперед и внимательно посмотрела на своего сына.

– А ты, Хорвин, как думаешь? – спросила она. – Мне кажется, у тебя есть свое мнение по этому вопросу.

Головы всех повернулись к хозяину дома. Почувствовав обращенное на него внимание, Хорвин положил свои приборы возле тарелки и выпрямился. Взгляд его сделался серьезным.

– Да, у меня есть свое мнение, – заговорил он чуть глуховатым голосом, который был отчетливо слышен в наступившей тишине. – Мы все сейчас говорим о падшей женщине. Но ведь в ее падении принимало участие и другое лицо. Почему, обливая позором женщину, мы забываем о второй стороне медали. Ведь именно мужчина является главой семьи, главой государства, он правит обществом, именно он в ответе за все, что происходит в мире. И вот, падшую женщину мы изгоняем из наших рядов, а ответственного за ее падение мужчину лишь немного журим, заставляем его пережить несколько неприятных минут на дуэли, и этого оказывается достаточно, чтобы все грехи его были отпущены, и он мог продолжать спокойно творить то же, что и делал раньше. Мне представляется это в высшей степени несправедливым.

В наступившей за окончанием его речи тишине было слышно, как специально нанятый для этого вечера слуга обходит вокруг стола, собирая тарелки.

– И что же вы предлагаете? – поинтересовался, наконец, Берегонд.

– Я предлагаю обратить стрелы нашего презрения на мужчин, и тогда, как мне мыслится, число падших женщин в нашем обществе значительно сократится.

Глава VII

Еще на лестнице до Элисы донеслись сердитые голоса. Она прислушалась. Громкий раздраженный голос Хорвина перемежался более тихим ровининым, в нем также слышалось напряжение. Хорвин и Ровина ссорились.

– И все-таки не понимаю, почему ты должна туда идти!

– Пойми, Хорвин, этот мальчик очень болен. Ему необходимо участие!

– Почему обязательно твое участие!

– Но чье же еще?

– В этом приюте достаточно людей.

– Ты не представляешь себе, как этот малыш одинок. И хочет он видеть именно меня.

– Стоило этому мальчишке захотеть, как ты срываешься из дома.

– Ты не понимаешь, я боюсь не успеть. Я знаю, как он плох.

– Кто тебе этот мальчик, и кто я. Из нас двоих ты выбираешь его!

– Хорвин, я уйду на один только вечер.

– Но этот вечер украден. Украден у меня!

– Родной мой, у нас впереди еще много вечеров. Не забывай, что у тебя есть я, есть твои родители, есть собственный дом. А у этого несчастного малыша нет ничего. Совсем недавно он потерял и родителей, и дом. Он нуждается во внимании.

– Неужели не достаточно того внимания, что ты оказываешь всем этим детям? Неужели нужно что-то еще?

– Не думаешь же ты, что эти несчастные детишки значат для меня больше, чем собственный муж?

– Иной раз именно так я и думаю.

– Хорвин, перестань, твоя ревность нелепа! Никто и ничто в мире не значит для меня больше, чем ты. Но как ты ни дорог мне, сегодня я считаю своим долгом уйти. Я знаю, что там, в приюте, я нужнее.

Быстрым сердитым шагом Ровина прошла мимо застывшей у двери кухни. До Элисы донесся тонкий аромат ее духов, мелькнуло светло-серое платье, по ступенькам лестницы легко простучали каблучки, и вот ее уже не стало. Элиса прислушалась. Тихо хлопнула входная дверь. Элиса удовлетворенно кивнула головой. Ушла. Ушла на весь вечер. Это хорошо. Она еще немного постояла в задумчивости, затем осторожно заглянула в кабинет Хорвина.

Она увидела, как тот нервно расхаживает, звук открываемой двери заставил его резко обернуться, однако мелькнувшая в глазах надежда тут же сменилась раздражением.

– А, это ты... – бросил он разочарованно.

Элиса состроила невинную гримаску:

– А где же Ровина? Я ее ищу.

– Ровина ушла, – коротко ответил он.

Теперь Хорвин стоял у стола, взгляд его невидяще упирался в лежащие на нем аккуратные стопки бумаги. В глазах Элисы зажегся настороженный огонек, и она придвинулась чуть ближе.

– А скоро Ровина собирается вернуться?

– Думаю, что не скоро.

Хорвин по-прежнему не поворачивался. Голос Элисы сделался вкрадчивым.

– Выходит, она оставила тебя одного?

– Выходит, оставила одного, – откликнулся он эхом.

Элиса сделала еще один шаг. Большие черные глаза ее загадочно мерцали.

– А хочешь, я скрашу твое одиночество? Давай посвятим этот вечер друг другу. Представляешь, мы вдвоем, только ты и я. Хочешь? – она напряженно смотрела ему в затылок. Хорвин молчал. Элиса продолжала уговаривать, – зачем каждому из нас тосковать в унынии? Соглашайся, Хорвин, ты увидишь, что вместе время пролетит веселее. Разве так не будет лучше для нас обоих?

– Как хочешь, – бросил он равнодушно. Он так и не обернулся в ее сторону.

Когда, час спустя, она снова заглянула в кабинет, Хорвин продолжал без цели метаться из угла в угол. Элиса радушно улыбнулась:

– Все готово. Я тебя жду.

И тут по его недоуменному взгляду Элиса поняла, что Хорвин уже забыл о своем второпях брошенном обещании. Улыбка сползла с элисиного лица, и оно сразу сделалось некрасивым. Неловко шагнув вперед, Элиса неуверенно шепнула:

– Ну, Хорвин, пойдем. Ты же согласился.

Хорвин отрицательно качнул головой:

– Нет, Элиса. У меня нет настроения.

Элисины черные брови страдальчески поползли вверх:

– Но... я все уже приготовила... Пойдем, прошу тебя!

Не глядя в ее сторону, он продолжал качать головой.

– Я так старалась. Я думала... Хорвин, нам хорошо будет вместе. Пожалуйста, не отказывайся, подари мне этот вечер. Один только вечер. Это ведь совсем немного...

Голос ее дрожал. Звучащая в нем мольба заставила Хорвина обернуться. Он увидел растерянные глаза, кривящиеся в жалкой улыбке губы. Где-то внутри у него кольхнулась жалость. Впоследствии он не раз вспоминал тот момент, когда он дал свое роковое согласие, и не мог понять, что стало его истинной причиной: обида или простое человеческое сочувствие к молодой женщине, разочарованной в своих ожиданиях.

Так или иначе, он принял приглашение. А когда через несколько минут, спустившись вниз, Хорвин увидел, как Элиса приготовилась, он впервые подумал о ней без привычного раздражения. Напротив, грудь ему согрела тщеславная мысль, что именно Элиса проявляет в своей любви завидное постоянство, что она и только она не желает делить его ни с кем другим. Уже не противясь этому новому для него чувству, Хорвин отодвинул вдаль тяжелые мысли о жене и шагнул навстречу неведомому.

Их с Ровиной скромная гостиная была залита небывалым светом. Свечи стояли и на камине, и на обоих подоконниках, и на стеклянной горке, отражаясь бликами на заполнявшей ее посуде, и на висящих в углу часах, и даже просто на полу вдоль стен. Камин жарко пылал, и отблески огня играли на бокалах, находившихся на маленьком столике между двумя креслами. Уже откупоренное вино светилось в них янтарем. Ломтики ветчины, языка, нежнейший паштет, источающие аромат кусочки сыра, устрицы были разложены на маленьких тарелочках. Отдельная ваза была полна роскошными красными яблоками. Застывшая рядом в отделанном кружевами платье вишневого бархата Элиса была очень хороша. Сверкающая в уложенных в высокую прическу волосах диадема соперничала своим блеском с ее черными глазами. Широко распахнутые, застывшие неподвижно, они мерцали загадочным огнем, и Хорвину вдруг показалась, что он проваливается в их бездонную глубину.

...

Когда Ровина подошла к дому, уже стемнело, и ей сразу бросился в глаза яркий свет в окне гостиной. Однако сама комната оказалась пуста. С недоумением, переходящим в легкую тревогу, Ровина оглядела стоящие на столике бокалы, один был до половины заполнен золотистым вином, другой – пуст, две бутылки, в одной из которых еще оставалось вино, нетрону-

тую закуску. Расставленные повсюду свечи оплыли уже до половины. Подхватив одну, Ровина заглянула в комнату напротив и, не найдя там никаких изменений, поспешила наверх. В комнате Хорвина никого не было. Все вещи в обычном порядке лежали на своих местах, постель была не тронута. Не оказалось его и в ее собственной спальне. Кровать также стояла не разобранная, на стуле рядом светлым пятном выделялся аккуратно сложенный пеньюар. Вернувшись обратно в коридор, Ровина постояла в задумчивости, высоко держа свечу, затем вернулась к себе в комнату. Осмотрела туалетный столик, свое небольшое бюро, каминную полочку, подоконник. Она искала записку, в которой объяснялось бы, что произошло в этот вечер, и где находится ее муж сейчас. Ничего не найдя, она снова заглянула в комнату напротив и тщательно осмотрела стол Хорвина. Записки не было и там. Выйдя наружу, она направилась было к лестнице, намереваясь расспросить прислугу, но тут же повернула назад. Она решила сперва поговорить с Элисой.

Дверь в комнату кухни была слегка приоткрыта. Ровина остановилась перед ней в раздумье. Проникавший в щель свет указывал, что в комнате, по крайней мере, кто-то побывал и оставил там свечу. Ровина подняла руку, чтобы постучать и замерла в нерешительности, ей показалось, что изнутри доносятся какие-то звуки: скрип кровати, тихий шепот. Внезапно, решившись, она осторожно толкнула дверь и так и застыла на пороге, судорожно сжав свечу в дрожащей руке.

Они оба были там. Хорвин и Элиса. Они лежали в постели, и Ровина отчетливо видела, как элисиная растрепанная головка была склонена над лицом ее мужа, и ее черные локоны смешивались с его вьющимися волосами.

Несколько бесконечных мгновений Ровина смотрела на них. Грудь ее как будто налилась свинцом, не хватало воздуха ни чтобы вздохнуть, ни чтобы крикнуть. Бешенный стук пульса в висках оглушал, потом этот в шум вмешался какой-то призрачный звон, и ей показалось, что в голове у нее начал глухо бить колокол. Наконец звон прекратился, и Ровина сообразила, что это прозвонили часы в комнате Хорвина. Она подняла руку к глазам, как бы пытаясь закрыться от страшной картины, качнулась вперед, затем назад, и, обретая, наконец, способность двигаться, повернулась и побежала прочь, подальше отсюда, туда, где нет этих двоих, так безжалостно надругавшихся над ее любовью.

...

Приоткрыв глаза, Хорвин с недоумением уставился на незнакомые обои: на фоне лиловых васильков белели ромашки. Он напряженно пытался вспомнить, стены какой из комнат украшал такой рисунок. Его не было ни ровининой спальне, ни в его собственном кабинете, не напоминал он о гостиной или столовой. В поисках разгадки взгляд Хорвина скользнул дальше, уперся в туалетный столик, на котором в беспорядке валялись флакончики, шкатулочки, коробочки для пудры, гребни, шпильки, папилотки и еще множество всяких мелочей, без которых женщина не мыслит свое существование. Со стоящего рядом стула свисало небрежно брошенное вишневое платье. Хорвин попытался вспомнить, кому оно могло принадлежать, но голова отказывалась ему служить: кровь тяжело стучала в висках, и мысли путались. Кажется, сообразил он, такое платье было вчера надето на Элисе. Это воспоминание заставило его приподняться и посмотреть вокруг себя внимательней. Обойдя глазами комод, камин, шкаф, ширму, из-за которой выглядывал край зеленого подола, он вновь обратился взглядом на разобранную постель, на которой находился он сам, и рядом с ним, так близко, что ее распушенные черные волосы касались его плеча, лежала и хозяйка платья.

Хорвин стремительно выпрямился. Голова тут же откликнулась тупыми ударами в затылок, и он ухватился за нее, пытаясь унять боль. Повернулся и еще раз посмотрел на лежащую рядом молодую женщину. Светло-лиловый шелковый пеньюар ее сполз вниз, открывая взорам

нежную кожу высокой, хорошо сформированной груди. Широко распахнутые глаза, не мигая, смотрели ему в лицо, полные губы кривила торжествующая усмешка.

– Что... что здесь произошло? – пробормотал Хорвин, продолжая держаться за голову.

Элиса приподнялась на локте, ленивым движением она отодвинула падающие на лоб волосы.

– Эту ночь мы провели вместе, – казалось, она сейчас замурлычет.

Гибким хищным движением она потянулась к нему, и точеная рука ее с длинными изящными пальцами скользнула по его голой груди. Хорвин отшатнулся. Элиса растянула губы в улыбке.

– Ну что ты? – ее немигающий взгляд не переставал сверлить его. – Еще недавно ты был таким милым.

– Перестань! – вырвавшийся из его горла вскрик больше напоминал стон. – Я... Я не хочу тебя видеть!

Он торопливо спустил ноги с кровати и тупо уставился на разбросанную по полу свою одежду. Вслед за ним соскользнув на пол, Элиса раскачивающейся походкой прошла перед ним, наклонилась и подобрала его рубашку.

– Вчера ты так торопился... – пропела она, держа рубашку на вытянутых руках. – Ты даже забыл о своей обычной аккуратности...

Тут страшная мысль холодом ожгла Хорвина. Она заставила его вскочить и вырвать рубашку из элисиных рук. Не замечая больше продолжающую стоять перед ним Элису, не обращая внимания на ее насмешливую улыбку, забыв в этот момент о ее существовании, он в спешке натягивал на себя одежду. Его жена. Ровина. Она должна быть уже дома.

Теперь он метался по дому в поисках жены.

Глава VIII

Вечер этого страшного дня, первого в долгой череде подобных же, застал Хорвина у матери. Ее уютная гостиная, как и всегда, дышала теплом и покоем. Вечерняя темнота скрывалась за кремовыми шторами, в углу мерно тикали большие напольные часы, исходил жаром камин. Стоя у буфета, госпожа Эрейна занималась приготовлением грога. Сжавшись в кресле, Хорвин обхватил голову руками. Голова была тяжелой, стук часов отдавался в мозгу молотом, и ему все хотелось запустить в них чем-нибудь, только бы заставить их смолкнуть и хоть не надолго очутиться в полной тишине. Закончив, мать поставила столик перед ним горячий напиток.

– Выпей.

Хорвин лишь покачал головой.

– От отца не было известий?

– Ты уже об этом спрашивал. Выпей, это поможет тебе успокоиться. На тебе лица нет.

– Мама, я не знаю, что мне делать!

Он взял стакан, подержал и машинально поставил обратно. Снова сжал голову. Мать с тревогой следила за ним.

– Хорвин, не надо так изводить себя. Ты же еще ничего не знаешь.

– Я знаю, что ее нет.

– Но это еще не значит, что случилось что-то плохое.

Хорвин поднял голову.

– А что это значит? Что это значит? – его запавшие глаза выглядели больными. – Почему о моей жене вот уже целый день нет никаких известий? Где я только ни был, у кого только ни спрашивал! Перебывал у всех наших знакомых, исходил все гостиницы... Ни в городской больнице, ни в одной из церквей, ни в этом осточертевшем приюте – нигде о ней ничего не слышали. Отца я попросил попытаться проследить, не покидала ли она город.

– Ты думаешь, это возможно? – спросила мать.

– Возможно все вплоть до самого страшного.

Госпожа Эрейна отошла к камину, неспешно поворошила дрова, постояла, глядя на огонь. Ясный пламень отражался в ее карих глазах, делая их золотыми. Она думала о своем беспокойном и порывистом мальчике, все пропускающем через себя. Любые неполадки, любая несправедливость заставляла его стискивать кулаки и кидаться в бой. Сколько раз она тщетно пыталась успокоить, утишить снедающие его страсти и сколько раз терпела поражение. И еще, подумала она, с детства ее сын отличался тягой к независимости, он никогда не делился с родителями своими трудностями. Но теперь он пришел, пришел за помощью, и это значит, что с ее неугомонным мальчиком случилась беда.

Не поворачиваясь, она услышала, как Хорвин зашевелился, звякнул стакан, видимо, он все-таки выпил свой грог, потом скрипнуло кресло, послышались шаги, ее сын расхаживал по комнате. Наконец он остановился возле камина. Она взглянула на него сбоку. Хорвин смотрел на огонь. Отсветы пламени играли на его острых скулах, темные глаза казались еще темнее.

– Хорвин, – начала она осторожно, – ты можешь мне сказать... Ты не исключает возможности, что Ровина покинула Хардон. Если она могла так поступить, значит что-то случилось? Между вами что-то произошло?

Хорвин повернул голову.

– Да, – сказал он коротко. – Произошло.

Взгляд его был застывшим.

– Ты не хочешь рассказать мне?

Хорвин ответил не сразу. Присев на корточки, он протянул к огню руку. Он опускал ладонь все ниже, пока язычок пламени не лизнул ее. Он думал сейчас о том, как легко было клеймить перед другими бесчестящих девушек мужчин, и каково примерить эту роль на себя. Он думал, как ему теперь смотреть людям в глаза, когда он предал их обеих, и ту, что любил больше жизни, и ту, чье присутствие с трудом переносил.

Он ощутил на своем плече руку матери, затем мать оставила его у камина одного. Скрип кресла возвестил, что она села. Вставай, сказал он себе. Вставай и иди к ней. Скажи ей о том, что сделал. Имей мужество рассказать ей об этом сам. Вытерпи все: осуждение, презрение, разочарование. Ты же знаешь, что за свои поступки надо отвечать.

Он выпрямился и повернулся к матери. Вскинул голову.

– Этой ночью, – проговорил он, твердо глядя ей в лицо, – я изменил своей жене с Элисой. Глаза его матери встревожено прищурились:

– И поэтому Ровина ушла из дома?

– Я уверен, что поэтому.

– Но ты говорил, что не видел ее со вчерашнего дня. Откуда ты можешь знать?

Он стал объяснять. Он уже сотни раз прокручивал произошедшее перед собой, и слова гладко ложились одно к другому:

– Как я узнал, из приюта Ровина ушла вскоре после наступления сумерек. Она должна была вернуться домой, когда я был в комнате Элисы. Единственным свидетельством, что дома она побывала, стали оставленные в прихожей ее перчатки, по словам горничной, когда Ровина уходила в приют, перчатки были на ней. Кроме того, на столике в прихожей стояла свеча. Никто из бывших в доме не признался, что приносил туда свечу, значит, оставить ее там могла только Ровина. Вероятнее всего, увидев нас с Элисой вдвоем, она опрометью бросилась вон из дома, даже не пытаясь поговорить ни с кем. Ты же знаешь, такая порывистость ей свойственна. – Кончиками пальцев он потер виски. Вздыхнув, опустил голову. – А вот что случилось дальше, я могу только гадать.

Оба помолчали. Мать Хорвина глядела на сына печально.

– Значит, ты изменил Ровине, и она исчезла... – проговорила Эрейна задумчиво. – Ты знаешь, мой мальчик, и привыкла ко всяким твоим выходкам. Но, честно скажу, такого я не ожидала.

Хорвин криво усмехнулся:

– Если я скажу, что я сам такого не ожидал, ты подумаешь, что я оправдываюсь?

– Ты просто расскажи, как это получилось.

Он вздохнул:

– Получилось все очень просто. Мы с Ровиной поссорились. Она опять ушла в свой приют, и я был очень сердит на нее. Этим и воспользовалась Элиса. Я согласился провести с ней этот вечер.

– Только вечер?

– Тогда мне казалась, что только вечер, но им одним дело не ограничилось. Элиса давно уже пыталась обратить на себя мое внимание, и на этот раз ей это удалось. Я помню, как смотрел на нее и думал, насколько она преданное существо. Понимаешь, она не видела от меня ничего хорошего и продолжала любить. Она пронесла свое чувство через годы разлуки. Я видел перед собой эти огромные черные глаза, бездонные как омуты, и мне казалось, что меня туда затягивает.... Помню еще, мне все хотелось потрогать черный завиток, что упал ей на лоб... Потом помню, мы поднимаемся по лестнице, она держит свечу, а я иду следом... Помню еще ощущение перил под ладонью, они были какие-то тяжелые... или это я был слишком тяжел... Потом... Потом уже ничего не помню. Кажется, я много выпил в тот вечер... Не помню... Ты же знаешь, обычно я умерен в вине, но в тот раз... был один бокал, потом еще, потом...

Нет, это уже стерлось из памяти. А потом помню уже утро, наше пробуждение рядом... и ужас от того, что произошло.

Теперь он избегал взгляда матери, он уткнулся глазами в пол, и перед его внутренним взором стояла Элиса, просящая и дающая роскошная женщина, такая, какой он увидел ее этой ночью.

– А Элиса? – спросила Эрейна после продолжительного молчания. – О ней ты подумал? Ведь ты же ее обесчестил.

Хорвин вскинул голову.

– Элиса, – повторил он, и впервые за этот вечер в голосе его прозвучал гнев. – Вот уж к кому я не испытываю жалости!

Он встретился глазами с матерью:

– Она сама стремилась к этому. Она боролась за такой исход с того момента, как ступила на порог нашего дома. Она получила то, что хотела. – Мать продолжала укоризненно смотреть на него. Он выдержал ее взгляд. – И все-таки, мама, я прошу об одном. Пусть происшедшее останется известным только нам. Пусть ничего не выходит за пределы нашей семьи. Как бы я ни относился к Элисе, я не хочу, чтобы ее имя смешивали с грязью.

...

Элиса гляделась в зеркало. Ей нравились эти утренние прихорашивания, нравилось любоваться своим отражением, перебирать украшения, следить, как каждый новый штрих придает ей привлекательности. Еще больше она любила горделивое осознание своего успеха, то ощущение торжества, что наступает после одержанной победы. Все-таки, думала она, машинально накручивая свой длинный локон на палец, чтобы завоевывать мужчин, одной красоты недостаточно. Нужна настойчивость, нужна находчивость, а нередко и терпение. Приходится подбирать ключик к каждому в отдельности. Так было всегда, и так будет впредь.

Элиса не торопилась отойти от зеркала. Опершись подбородком о локти и задумчиво рассматривая себя в стекле, она вспоминала. Вот Пэгит, задиристый рыжеволосый крепыш. Его вниманием ей удалось завладеть на той прогулке. Пришлось для этого заставить свою лошадь понести. Это ее-то покладистую лошадку, которая слушалась каждого движения поводом! Не так-то просто было это сделать. Зато какой переполох поднялся, когда Пэгит спасал ее, каким героем он сразу себя почувствовал, как легко было потом высказывая ему благодарность, добиваться от него все новых и новых знаков внимания. А Тэльон, этот молчаливый независимый верзила. Она притворилась, что совсем не умеет играть в пикет, он учил ее, и как им было весело, когда она делала свои смешные ошибки и задавала глупые вопросы. До сих пор при воспоминании об этом ей хочется смеяться. А вот привлечь внимание Рогди удалось не сразу, он был тогда увлечен Сантиной, одной из ее приятельниц. И все-таки она справилась и с Рогди. Пришлась притвориться внезапно заболевшей, и, конечно же, джентльмен Рогди поспешил придти к ней на помощь.

Элиса вздохнула. Сколько их осталось позади, ее поклонников, верных товарищей ее беззаботной юности. Что они помнят о ней теперь? Задумываются ли они, каково ей сейчас приходится? Тряхнув головой, она отогнала неприятные мысли. Все сложится хорошо, сказала она себе, и улыбнулась своему отражению.

Она вновь занялась своим туалетом. Оставались последние штришки: приколоть брошь, чуть припудрить точеный носик, еще разок взбить пышные локоны. Настроение у нее поднялось, и она принялась весело напевать. Она победила. Как это и бывало прежде, она получила то, что хотела. Теперь Хорвин будет ее. Теперь-то уж он не сможет от нее отказаться!

Когда она спустилась к завтраку, Хорвин уже был в столовой. Угрюмо глядя в тарелку, он машинально работал ложкой, но видно было, что мысли его находятся далеко. Элиса отметила,

что он был один, значит, смекнула она, Ровина еще не вернулась. Отлично, мелькнуло у нее в голове, есть возможность побыть с ним наедине. Пряча торжествующую улыбку, она вплыла в столовую и тут же запнулась, наткнувшись на его тяжелый взгляд.

– Доброе утро! – пропела Элиса, стараясь придать своему голосу твердость, но уверенность ее быстро таяла: его темные глаза сверлили ее, и недобрый огонь, тлевший в их глубине, заставил ее ощутить в груди холодок. В памяти сразу всплыло, каким становится Хорвин в ярости.

– Выйди! – его голос был глухим от сдерживаемого гнева.

– Я только хотела...

Он не дал ей договорить. Быстро встав из-за стола, он подошел к ней вплотную и, жесткой рукой взяв за локоть, вытолкнул в коридор.

– После придешь! – бросил он коротко, затворяя за собой дверь.

Элиса в нерешительности стояла перед дверью. Владевший ею с утра боевой задор призывал ее зайти внутрь и бросить его гневу вызов, но страх, воспоминание о том, как может Хорвин неистовствовать, ее удерживали. Она еще немного постояла, нервно покусывая губы, и пошла в свою комнату. Скорей бы уж Ровина вернулась, думала она, медленно понимаясь по лестнице.

Глава IX

Следом за ухоженной деревушкой, радующей глаз аккуратными крышами и резными ставнями, дорога вновь ненадолго нырнула в лесную глушь и, почти сразу, вывела к застывшим среди теснящихся нестройной толпой древесных стволов стенам монастыря. Сложенные из старательно подогнанных глыб песчаника, тщательно белены, они тянулись вверх среди посеревшего уже снежного покрова, почти сливаясь с ним. Врастающие в небесную голубизну купола казались продолжением древесных крон. И зеленые купола, и белые стены, и стремящийся ввысь тонкий шпиль колокольни были неотделимы от этого леса, от его тишины и важности, они были его частью, и в то же время, они оставались самими собой, чем-то законченным и значимым, местом, куда тянет придти, и уходить откуда не хочется.

Груженная глиняными горшками, веретенами и прочей утварью телега, на которой Хорвин добрался сюда, уже исчезла среди монастырских строений, а сам он задержался у ворот. Привратница, пожилая монашка с высохшим от времени лицом и ласковыми морщинками около глаз, охотно ответила на его вопросы. Нет, молодая женщина по имени Ровина Ристли здесь не появлялась. Большинство посетительниц она хорошо знает, а среди незнакомых не было никого, подходящего по возрасту. Да, приходила молодая женщина, просила помолиться об уехавшем муже, от него долго не было вестей, но с тех пор миновало две недели. Намедни прибыла посетительница из Хардона, той уже все пятьдесят, никак не меньше. Чиновница проживает с больной дочкой, они вам тоже не нужны. Нет, о Ровине Ристли ей ничего не известно.

Больше делать здесь ему было нечего. Но мужик, с которым Хорвин приехал, еще не вернулся, и Хорвин отправился бродить по монастырю. Ничего не изменилось за те годы, что он здесь не появлялся. Казалось, в этих белых стенах время остановилось. В мире вокруг происходили какие-то события, одни короли сменяли других, создавались и разрушались города, рождались и умирали люди, а здесь все по-прежнему темнели аккуратными рядами окошки келий, и неторопливо уносил ввысь ветви огромный тополь, и такие же фигуры монашек в темных ниспадающих одеждах неслышно скользили через двор, и те же дряхлые старухи недвижно сидели вдоль ограды, глядя перед собой древними, как мир, глазами. Все вокруг дышало тем покоем отрешенности, при котором смиряются самые бурные страсти и утишается самое неистовое горе.

Боль, терзавшая его душу не прошла, но она чуть отступила, сделалась глуше, и он смог остановить свой нескончаемый бег и оглядеться. Всю прошедшую неделю Хорвин, ничего не замечая, метался в поисках исчезнувшей жены, и здесь впервые он осознал, что по земле уже неспешными шагами ступает весна. Солнце по-весеннему ласково пригревало с сияющего голубизной неба, снег слежался и посерел, и на пригорках уже проглянули первые проталины. Мягкий ветерок дышал весенним теплом и свежестью, ярче и веселее звучали голоса птиц, и в воздухе носилось ожидание хороших перемен.

Хорвин ступил под своды собора. Гулкая тишина и мягкий сумрак окутали его, оставляя вдали суету и страдания этого сложного мира. Преклонив колена перед алтарем, он попробовал молиться, но после долгого напряжения его охватила изнуряющая усталость, нужные слова не шли, и он мог лишь отрешенно повторять: «Господи, прошу тебя, верни мне мою жену!»

Он не знал, сколько времени он так провел, глядя на мерцающую перед изображением Спасителя лампаду. Но когда он поднялся и обернулся к выходу, то обнаружил, что был в храме не один. Около лесенки, ведущей вверх, к хорам, стоял священник и смотрел на Хорвина. Чуть поколебавшись, Хорвин приблизился к нему. Спокойные светлые глаза служителя Господа задумчиво смотрели на него, и у Хорвина возникло желание рассказать ему о своей тревоге.

- Тебя что-то гложет, сын мой?
- Это так, отец мой. Я разыскиваю женщину по имени Ровина Ристли. Она могла еще назваться Ровина Котомак.
- Его собеседник качнул головой:
- Женщина с таким именем мне не известна.
- Поколебавшись, Хорвин продолжал, слова давались ему с трудом:
- Отец мой, вот уже несколько дней душа моя в смятении. Я не знаю, что мне делать... Я... потерял жену... Она ушла из дома.
- В глазах его собеседника появилось сочувствие:
- И ты жаждешь вернуть ее?
- Да! Да! – слова эти вырвались из горла мучительным вскриком, но тут же, устыдившись своей несдержанности, он добавил уже тише, – но я не знаю, ни где она, ни что с ней.
- Тебе ведома причина, по которой она ушла?
- Хорвин запнулся. Собравшись с силами, он продолжал:
- Да, отец мой. Я... я причинил ей боль.
- Казалось, внимательный взгляд его собеседника проникал в душу:
- Когда это происходило, ты понимал, что заставляешь ее страдать?
- Хорвин опустил голову.
- В тот момент... Тогда я не думал об этом. Дело в том... меня терзала тогда обида.
- Обида на жену?
- Да, отец мой, – ответил он совсем тихо.
- В голосе святого отца зазвучали суровые нотки:
- Обида – нехорошее чувство, сын мой, обида разъедает нашу душу, часто она толкает нас причинять все новую боль тому, кого мы мыслим своим обидчиком, и тем самым мы лишь множим наши взаимные страдания. Обида разъединяет людей.
- Лики святых с укоризной взирали на Хорвина. Ему стало неудобно.
- Это – так отец мой. Но я не могу справиться со своими чувствами. Моя обида всегда сильнее меня.
- И что же послужило причиной столь терзающей тебя обиды?
- Он попытался объяснить, но сейчас ему самому эти слова показались мелкими и неубедительными:
- Моя жена... В тот день она не захотела быть со мной. Свои интересы она предпочла мне. Она оставила меня одного, и это стало причиной моей боли.
- Что за интересы она посчитала более значимыми, чем желание своего мужа?
- Моя жена занимается благотворительностью. Она много времени посвящает детскому приюту. В тот день она предпочла уйти в приют, там что-то произошло, кажется, заболел ребенок:
- И ты посчитал, что этим своим поступком она предала тебе? – священник говорил негромко, но каждое его слово отпечатывалось у Хорвина в мозгу, вызывая смятение. – Она предпочла тебе не суетные деяния, не праздное времяпровождение, она посчитала необходимым оказать внимание и заботу больному малышу. Ты осуждаешь ее за это?
- Вы считаете, я был не прав?
- Его собеседник смотрел строго:
- Дело, что на время отвлекло твою жену от тебя, – дело богоугодное. И твой долг – поддержать ее.
- Он попытался возразить:
- Но разве не сказано в Писании: «Да прилепится жена к мужу своему»?
- И услышал в ответ:

– И еще там сказано: «Возлюби ближнего своего». Если в тот день твоя жена посчитала необходимым уйти от своего мужа к больному ребенку, значит она видела, что в тот момент малышу ее любовь была важнее.

Хорвин пробормотал:

– Да, она говорила что-то подобное, но я не прислушивался к ее словам. Я помнил только одно, она оставляет меня ради кого-то другого, – он поднял голову. – Что мне делать, отец мой, если я люблю ее слишком сильно, если я нуждаюсь в ней так, что мне трудно вытерпеть без нее даже один вечер.

Святой отец сказал мягко:

– Вы могли не расставаться в тот вечер.

– Но она же ушла!

– Ты мог бы пойти с нею.

В глазах Хорвина полыхнула боль.

– Как все просто, Боже, как все просто! – он провел рукой лицо. – Если бы я пошел с ней, ничего бы не случилось! Просто ничего бы не случилось!

Лицо его кривила страдальческая гримаса. Эта несложная мысль, которая никогда не приходит в голову, пока человек находится в состоянии гнева, и которая становится очевидной уже после, когда изменить ничего нельзя, жгла его огнем. В голосе его собеседника зазвучало сочувствие:

– Все мы грешны, все совершаем ошибки. Не розами, но терниями усыпан наш путь, через ошибки, страдание и осознание совершенных ошибок лежит наш путь к совершенствованию.

Хорвин поднял голову и с мольбой взглянул на своего внимательного слушателя:

– Что мне делать, отец мой, что мне делать? Я не представляю, как мне жить дальше.

Святой отец ласково положил ему руку на плечо:

– Путь каждого из нас к Господу долог и тернист. Господь посылает нам испытания, дабы преодолевая их, мы открывали себя для Добра. – Светлые глаза священника смотрели на Хорвина с пониманием, он говорил хорошо известные слова, не раз уже слышанные во время проповедей, но сейчас, как никогда, Хорвин чувствовал, что слова эти касаются его лично. Служитель Господа говорил, – стремись очистить свое сердце для любви, обратись помыслами к Господу нашему, чья первейшая заповедь – любовь, и Господь поможет тебе. Мне видится, что ты стоишь только в самом начале своего Пути.

Хорвин почувствовал, как в его груди вязким туманом разливается горечь. Он сглотнул и тихо проговорил:

– Отец мой, я хотел бы исповедоваться. Отпустите мне мои грехи.

Первой, кого Хорвин увидел, вернувшись домой, была его мать. Она встретила его у входа, и он сразу разглядел в ее взгляде печаль. У него перехватило горло. Мать тихонько сжала ему руку. Она долго ничего не говорила, и он не выдержал:

– Что? Что? Ну, что ты молчишь? Говори, что?

– Ровина нашлась.

Мать смотрела на него с состраданием.

Сердце его обдало холодом. Ничего еще не закончилось. Все только начинается. Я все еще в начале своего пути. Господь милосердный, дай мне силы.

Глава X

Ее глаза... Милые светлые глаза того ясного серого оттенка, который становился прозрачным, когда Ровина радовалась и темным, когда огорчалась... Чистые глаза, лучащиеся светом доброты и понимания... Любимые глаза... Сейчас они были другими... Они не горели упреком, их не туманило страдание, они не метались в отчаянии... Они были пустыми. Пустыми не той пустотой бездумья, за которой нет мысли, не пустотой отчуждения, которой человек пытается отделиться от мучающего его несчастья, но пустотой бессилия, той страшной пустотой, которая наступает, когда силы человека истощены, и он дошел до своего предела.

Ровина лежала в постели. Светлые волосы ее разметались по подушке, тонкие руки были неловко вытянуты, прикрытое легким одеялом худенькое тело казалось невесомым. Запавшие глаза, выглядевшие огромными на бледном осунувшемся лице, были недвижны. Ровина не смотрела на стоявших перед ней Хорвина и Эрейну, когда они вошли, она не пошевелилась, не повернула головы, лишь более частое дыхание, вырывавшееся из ее груди, указывало, что их появление не прошло незамеченным.

Большой особняк, в котором они все сейчас находились, был одним из тех, где проживает хардонская элита. Не раз в прошлом, прогуливаясь по уютному липовому бульвару, Хорвин и Ровина любовались на этот строгий и элегантный желтый дом, в классическом стиле украшенный колонным портиком. Иногда они шутливо спорили, пытаясь представить, как он выглядит внутри. Но на этот раз, когда Хорвин с матерью торопливо следовали за лакеем по роскошно обставленным покоем, он даже не видел ничего вокруг, он помнил одно: где-то здесь, в одной из комнат этого богатого и чужого ему дома лежит его пропавшая жена.

Первой их приняла хозяйка особняка, представившаяся, как графиня Кортини. Утонченная дама средних лет, с высокой прической, обрамлявшей узкое выхоленное лицо, она держалась с любезностью и сочувствием, уважающим постигшее их горе. В нескольких словах она рассказала о случившемся. Она с мужем возвращалась домой в карете, уже наступила темнота, и кучер торопил лошадей. Как утверждает их кучер, он не успел заметить оказавшуюся перед каретой молодую женщину. Возможно, женщина выбежала из-за угла слишком внезапно, и он не успел удержать лошадей, хотя она, графиня, не исключает мысли, что именно их слуга допустил оплошность, ставшую причиной несчастья. Так или иначе, женщину отбросило в сторону, к счастью, она не оказалась под копытами, но от сильного удара осталась лежать на земле без признаков жизни. Движимые участием, они отвезли ее в свой дом и оказали всю помощь, какая была возможна. В настоящее время можно с уверенностью утверждать, что жизнь пострадавшей уже вне опасности. Несколько дней не приходила в себя вследствие сильной лихорадки, но сегодня, наконец, ей стало лучше, и она смогла говорить. В качестве своей родственницы она назвала госпожу Эрейну Ристли, за которой сразу же и было послано. При этом известии Хорвин ощутил на себе взгляд матери. Он понял, о чем она думает. Та же мысль была и у него. Ровина назвала свекровь, она не вспомнила о муже. Она не захотела увидеть его первым.

Потом с ними беседовал доктор. Покачивая головой, он долго говорил, речь его была гладкой, уверенной, пересыпанной медицинскими терминами, она была призвана показать, что было сделано все возможное, и то, что Ровина потеряла ребенка, которого носила, становилось неизбежным при полученной ею травме.

Глядя на безжизненно лежащую перед ним жену, Хорвин с тоской думал, что своей обидой убил ее. Она так ждала этого ребенка, так радовалась, так мечтала, как будет растить его. Она была такой счастливой. И вот, в одно мгновение их дом, их брак, их мечты, все разрушено. Все пошло прахом за один вечер. Всего один вечер разлада – и его семья в руинах.

Он опустился на колени перед постелью.

– Родная моя...

Ровина медленно повернула голову. Теперь она смотрела сквозь него.

– Милая, ты не представляешь себе, как я сожалею...

Губы ее шевельнулись. Голос был тихий, едва слышный, почти бесплотный, как и она сама сейчас.

– Ты... уже знаешь...

Он судорожно стиснул край кровати.

– Да, доктор сказал мне.

Страдальческая складка сморщила ее лоб. Слова давались ей с трудом.

– Я прошу... тебя... оставить меня... одну.

– Любимая, я сделаю все...

Она не дослушала и заговорила вновь. Слова ее шелестели, как старые осенние листья, сухие и поблекшие.

– Не стоит... мучить меня и себя... Мне надо... быть одной...

– Ровинушка! Я только хочу...

– Уходи, прошу тебя... прошу тебя...

Глаза ее глядели на него, но как будто его не видели, она была сейчас не здесь, душа ее витала где-то далеко, с ее неродившимся ребенком, которого она не будет теперь кормить, пеленать, укачивать, с которым не будет разговаривать, которому не будет улыбаться, которого не будет учить ходить, говорить, знакомить его с огромным и потрясающе интересным миром. Он не придет в этот мир, и поэтому и его матери не стало в этом мире места.

Хорвин почувствовал, как Эрейна тихонько сжала его плечо:

– Тебе лучше сейчас выйти.

– Мама, я не могу оставить ее в таком состоянии!

– Ей тяжело сейчас тебя видеть, – сказала его мать мягко. – Нужно время, чтобы она смогла придти в себя. Находясь рядом, ты только причиняешь ей лишние страдания.

Покоряясь, он поднялся с колен. Госпожа Эрейна склонилась над ровининой постелью.

Полчаса спустя она нашла Хорвина у окна в соседнем покое. В глазах его тяжелыми волнами переливалась ненависть. Мать стала рядом.

– Я убью ее!

– Кого? – спросила госпожа Эрейна осторожно.

– Эту мерзавку Элису!

– Ты считаешь, это поможет горю? – голос матери звучал строго.

– Она мне заплатит за все!

– Ты тоже принимал участие в произошедшем, – напомнила она.

Хорвин судорожно стиснул оконную раму.

– Да, принимал... Но если бы ни она... Если бы ни ее непрекращающиеся домогательства... Я так и знал, я с самого начала знал, что ее присутствие обернется бедою!

Взяв сына за плечи, Эрейна заставила его развернуться и посмотреть ей в глаза.

– Беда уже случилась, здесь ничего не поделаешь. Важно, чтобы не произошло еще большей беды.

Строгий взгляд матери заставил его сникнуть. Он закрыл руками лицо.

– Что мне делать?! Скажи, мама, что мне делать?!

– Прежде всего, тебе нужно привести свои нервы в порядок. Довольно того состояния, в котором находится Ровина, не хватало еще, чтобы заниматься пришлось и тобой. – Внимая хорошо знакомому мягкому голосу, Хорвин начал приходить в себя. – Сейчас я узнаю, можем ли мы забрать твою жену, а когда она будет уже дома, сделаем все, чтобы к ней вернулись силы. А дальнейшее подскажет сама жизнь.

Глава XI

Ровина молчала. Теперь Хорвин видел ее только такой. Со страдальческими складками вокруг сделавшихся темными глаз, с потухшим взглядом, она хранила неизменное молчание. Он знал, что с другими она не была такой. Она разговаривала с госпожой Эрейной, не уклонялась от долгих бесед с доктором Фроданом, их семейным врачом, пока господин Котомак, приехавший после известия об исчезновении дочери, находился в их доме, Ровина виделась с ним ежедневно. И только присутствие мужа она переносила с болезненным напряжением. Когда Хорвин пытался приблизиться к ней, она будто замирала. Сжавшись, она смотрела в сторону и никак не отвечала на все попытки с ней объясниться.

Всегда тяжело переносивший любое напряжение в отношениях, слишком эмоциональный, чтобы уметь при этом сохранять душевное равновесие, Хорвин тоже стал стремиться к уединению. Теперь он также старался избегать Ровины, как и она его. В их общем доме они жили врозь.

Уходя утром на службу (после возвращения Ровины домой мать вынудила его вернуться к работе), приходя домой вечером, в одиночестве сидя за обедом, затворяясь в собственной комнате, Хорвин ждал. Ждал перемен. Ждал какого-нибудь знака, указывающего, что его жена начала возвращаться к жизни. И доктор, и его мать, и отец, все они в один голос твердили, что Ровине, чтобы оправиться, нужно время, что только оно лечит, что постепенно она привыкнет к своей потере и научится с ней жить. Но сам он слабо верил в это. Знающий на собственном опыте, насколько глубоким может быть отчаяние, он не представлял себе, что может помочь его отчаявшейся жене найти свое успокоение.

Первые дни, пока Ровина еще не вставала с постели, вместе с ними жила Эрейна. Именно она старалась, как могла поддерживать сына, именно она ухаживала за больной, именно благодаря ее усилиям физически Ровина вскоре начала оправляться.

Эрейна оставила их дом, когда Ровина начала вставать на ноги, она считала, что теперь супругам лучше остаться вдвоем, чтобы самим разобраться в своих отношениях. Тогда же отбыл и ровинин отец, необходимость поддерживать порядок в собственном доме призывала его возвращаться к себе. Он уехал, так и не узнав о причинах случившегося. Хорвин промолчал о произошедшем, оберегая Элису, Элиса промолчала, оберегая себя, а Ровина не стала ничего говорить, оберегая их обоих, и господин Котомак так и остался в неведении.

Надежды Хорвина, что уезжая, он заберет Элису с собой, пошли прахом. Элиса наотрез отказалась возвращаться в свой дом, пока там продолжает царить внушавший ей отвращение отчим, и господин Котомак, хорошо представляющий причины такого нежелания, настаивать на ее отъезде не посчитал нужным.

Итак, Элиса продолжала оставаться с семейством Ристли. Впрочем, сейчас Хорвин ее не видел. Вернувшись домой в день, когда нашлась Ровина, он в ярости метался в поисках Элисы и не находил ее. Элисы в их доме уже не было. Предотвращая последствия слепого гнева сына, госпожа Эрейна заранее отослала ее под защиту Карита, где она и жила теперь, вдали от тех двоих, чьи жизни она невольно поломала.

...

– А почему вы выбрали себе такое странное занятие – егерь. Разве это – серьезная профессия?

– Без сомнения.

Карит развернул свое кресло к камину боком, и лицо его, освещенное лишь наполовину, казалось странной маской: одна сторона была живой и теплой, другая – темной и мрачной.

Устроившись так, он застыл, неподвижный, спокойный, и только взгляд его глубоко посаженных глаз, не отрываясь, смотрел на Элису. Элиса приютилась на небольшом диванчике, что стоял у противоположной стены. Беспокойно теребя пальцами украшавшую платье ленту, она исподлобья поглядывала на своего собеседника.

– И вас устраивает ваша профессия?

Кивок

– Вам нравится этим заниматься?

– Весьма.

– Но вам приходится проводить много времени вне дома. Эти постоянные отлучки, они вас не утомляют?

– Нет.

«Он что, не умеет нормально разговаривать? Совсем одичал там, у себя в лесах. Весь вечер не могу добиться от него ничего, кроме односложных ответов».

Элиса встала, прошла по комнате. Взгляд ее упал на оставленную на буфете колоду карт, и мысль тут же скакнула к новой теме.

– Вам нравятся карточные игры? Какую вы предпочитаете?

«Пожимает плечами. И как это прикажете понимать? И мне-то что делать? Разговаривать со мной он не желает, в карты играть не собирается, и чем же мне заняться?»

В углу приютилось пианино. Присев за него, Элиса пробежала пальцами по клавишам, пианино откликнулось мелодичными звуками. Внезапно она почувствовала возбуждение. Взяв несколько аккордов, она сыграла бодрый проигрыш и начала петь бравурную песенку. В доме Ровины инструмента не было, петь Элисе давно уже не случалось, и сейчас звуки собственного голоса, чистого, сильного, доставляли ей наслаждение. Пропев один куплет, она оглянулась, слушает ли ее Карит. Да, он слушал. Склонив голову, он смотрел на нее, и в глазах его Элиса смогла разглядеть откровенное презрение. Оборвав игру, она встала. Она была не в состоянии понять, что именно вызвало его неудовольствие, но петь просто так, для себя самой, не выслушивая восторженных похвал, она не умела. Она привыкла быть на виду, среди людей, собирать дань восхищения, и то неодобрение, которое она постоянно встречала в семействе Ристли, заставляло ее чувствовать себя неудобно. Она снова прошла, чуть привстав на цыпочки и задумчиво глядя, как колышется подол ее платья. Снова оглянулась проверить, смотрит ли на нее Карит. Он смотрел. Внезапно она почувствовала раздражение. «Ну что он уставился? Все следит и следит за мной! Что ему от меня нужно?» Она остановилась напротив него, вызывая вздернув свою очаровательную головку. Послала ему взгляд, исполненный презрения.

– Среди моих знакомых нет ни одного представителя простонародья. В моем кругу все – люди воспитанные, образованные, и они прекрасно умеют вести себя с дамой. Никто из моих друзей не заставил бы меня скучать.

Ни один мускул не дрогнул на лице отца Хорвина.

– Не сомневаюсь, – негромко обронил он, и в голосе его вдруг стал особенно заметен акцент. Элиса сразу вспомнила о его происхождении.

– А вы, как я вижу, человек темный. Вы даже не представляете себе, чем можно занять даму из приличного общества.

Карит пожал плечами, элисины речь, казалось, не произвела на него никакого впечатления. Глаза его оставались спокойными, острые скулы казались выточенными из камня. Раздраженно крутанувшись на каблуках, Элиса отошла от него. Взяв с буфета карточную колоду, она присела возле маленького столика и принялась раскладывать пасьянс. Пасьянс не сошелся, и это вызвало у нее еще большее раздражение и почему-то тоску. Ничего мне не удастся, подумала она с ожесточением и снова вскочила. Подошла к окну, попыталась что-то разглядеть в темном уже стекле. Постояла перед буфетом, задумчиво уставившись на стоящее на нем

блюдо с кексами. Еще раз обернулась к продолжавшему созерцать ее молчаливому собеседнику.

– Послушайте, я бы хотела отсюда уехать, – голос ее против воли дрогнул, ей стало очень жаль себя, такую одинокую, всеми заброшенную. – Здесь я не могу находиться.

Карит резко выпрямился в своем кресле.

– Куда вы собираетесь ехать?

– Я бы хотела вернуться в дом Хорвина.

Глаза Карита потемнели.

– Я бы не советовал вам туда возвращаться. По крайней мере, не сейчас. Они оба еще не пришли в себя после того, что вы натворили. – Под его жестким взглядом Элисе сделалось неуютно. – Если вы не хотите думать о них, подумайте о себе самой. Хорвин не успокоится, пока не успокоится Ровина. В его теперешнем состоянии он может быть просто опасен для вас. Вы понимаете меня?

Элиса опустила голову.

– Да, – шепнула она.

Пока Элиса еще жила в доме Хорвина, он был слишком озабочен стремлением найти пропавшую жену, и на выяснение отношений у него не оставалось сил. Но когда случай сводил их вместе, Элиса видела, как глаза его наливаются недобрый огнем. Не искушая судьбу, она торопилась тут же удалиться, оставив Хорвина одного переживать то сильное и сложное чувство, которое у него вызывала Элиса.

Карит продолжал сверлить молодую женщину взглядом.

– Вы мне обещаете, что не будете торопиться возвращаться туда?

Элиса вскинула голову, глаза у нее вспыхнули.

– Но мне надо... – начала она объяснять, нервно комкая подол платья внезапно вспотевшими ладонями.

Карит резко оборвал ее:

– Сейчас вам надо только ждать. Никто не выгонит вас на улицу отсюда, но Хорвина с Ровиной вам следует оставить в покое.

Своенравная и упрямая, Элиса, тем не менее, пасовала перед более сильной натурой. Смирившись, она отошла к своему диванчику и неуверенно присела на краешек. Голова ее печально поникла, невеселые мысли о собственном нелегком положении, которые она старалась гнать, вновь завладели ею:

«До чего же некстати случилась эта история с Ровиной. Все ведь так удачно складывалось... А теперь Хорвин думать ни о чем другом не может. И как я скажу ему, когда к нему и подойти-то страшно?»

Глава XII

Ровина застыла у окна. В полутемном коридоре хрупкий силуэт ее смотрелся тонким стебельком, почти бесплотной тенью. Хорвин не сразу рискнул подойти, но Ровина не двигалась, не пыталась скрыться, и он решился. Сбоку заглянул в любимое лицо. Острое чувство жалости стеснило ему грудь, и Хорвин медленно поднял руку с желанием приласкать свою настрадавшуюся девочку и побоялся сделать это. Он лишь окликнул ее:

– Ровина! Ровинушка! Родная моя!

Она медленно повернулась. Недвижные серые глаза смотрели сквозь него.

– Ровинушка! – сказал он мягко. – Довольно проживать все одной. Поговори со мной.

Ровина молчала.

– Родная, – продолжал он, – я знаю, как тебе больно, я знаю, что очень виноват перед тобой. Но прошу тебя, не гони меня! Позволь мне быть рядом. Разреши хотя бы попытаться помочь тебе.

Она ничего не отвечала, но и не пыталась уйти, и он продолжал говорить:

– Я любил, люблю и всегда буду любить тебя одну. Нет и не было никого в мире, кто значил бы для меня столько, сколько значишь ты. Верь мне, прошу тебя! Для тебя я сделаю все возможное и невозможное...

Тонкая ровинина рука легла на его плечо. Губы ее чуть шевельнулись. Он замер, боясь ее спугнуть, но их соединение длилось недолго. Рука ее соскользнула вниз, и Ровина медленно прошла мимо. Несколько секунд он помедлил, пытаясь понять, действительно он услышал, или ему только показалось, как ее бледные губы шепнули одно коротенькое слово. Простое слово. Нелепое слово... «Бедный!»

Позади тихо закрылась дверь, и он стремительно обернулся. Торопливо бросился за ней. Он опоздал на какое-то мгновение: в двери ее комнаты щелкнул замок.

Он позвал:

– Ровина! Ровинушка!

Никто не отозвался. Кончиками пальцев он поскреб по дверной поверхности.

– Родная, прошу тебя, ответь мне!

За дверью было тихо. Хорвин постучал, сперва негромко, потом сильнее.

– Ровина, разреши мне поговорить с тобой. Давай попробуем объясниться!

Ответа по-прежнему не было, из-за двери не раздавалось ни звука. Он представил себе, как она стоит, смотрит перед собой, и из глаз ее неслышно катятся слезы. А может, она забилась в угол и зажала руками уши, стараясь не слышать его тревожных стуков, рвущих ей душу на части. Он еще несколько раз сильно ударил в дверь и остановился. Меньше всего он хотел показаться ей тем грубым и жестоким, каким он был когда-то, в самом начале их знакомства.

И Хорвин перестал ломиться в запертую комнату. Он постоял немного и пошел прочь. Взгляд его, рассеянно скользнувший вокруг, отметил, что дверь в комнату Элисы приоткрыта, но он тут же об этом позабыл.

И напрасно. На сближение с женой у него оставались не дни и месяцы, как он полагал, а часы. Он еще мог бы направить их жизни по иному, пусть тоже непростому и долгому, но все же более мягкому пути. Если бы он сейчас не ушел, если бы он сломал разделявшую их дверь, если бы он ворвался в Ровине, то силой своего чувства, силой неистового желания помочь ей он мог бы прорвать барьер, воздвигнутый Ровиной между собой и остальным миром. Он не сделал этого. Знать будущее человеку не дано, и Хорвин упустил свой момент. Он ушел, оставив Ровину наедине с ее неутраченной болью.

Следующим утром он упустил и вторую свою возможность. Когда он уже заканчивал завтрак, размышляя, не остаться ли сегодня дома и не попытаться ли снова объясниться с женой,

в дверь столовой прокралась Элиса. На ее темно-синем платье, вопреки обыкновению, не блестело никаких украшений, волосы не рассыпались локонами, а были аккуратно собраны сзади. Но ни этот, не свойственный ей облик, ни непривычно робкие движения не обратили на себя его внимания. Он не увидел, не понял, что Элиса пришла говорить с ним, что ей есть, что сказать, и принесенное ею известие может все переменить. Он лишь ощутил, как знакомая тяжесть сдавливает ему грудь и стесняет дыхание. Отодвинув недопитую чашку с кофе, Хорвин встал. Элиса напряженно застыла у двери. Не глядя в ее сторону, Хорвин быстро вышел, и лишь аромат ее духов, сильных, душевных, пахнув на него, заставил его ускорить шаги.

И он ушел на службу, оставив, тем самым, судьбу своей семьи в неловких элисиных руках. Уже через полчаса после его ухода Элиса постучалась в дверь ровининой комнаты.

...

Робко переминаясь с ноги на ногу, Элиса жалась у входа. Ровина не смотрела в ее сторону, укрывшись в глубоком кресле, она зябко куталась в шерстяную шаль. Глаза ее были отсутствующими, неясно было, слышит она или не слышит свою навязчивую посетительницу. Обычная уверенность изменила и Элисе, всегда бойкая и громогласная, сейчас она едва мямлила и запинаясь.

– Ровина, нам надо поговорить. Дело в том, что я... Мне... Мне надо сказать тебе...

В наступившей паузе тихо прошелестели ровинины слова:

– Я тебя слушаю.

– Я... Ты... Понимаешь, я должна сказать тебе... Я... Я очень люблю Хорвина. Я давно уже его люблю.

– Я знаю, – голос Ровина оставался ровным и чуть слышным.

– Вот! Понимаешь, я люблю его, и поэтому... поэтому все и случилось!

Ровина не отвечала. Она продолжала глядеть куда-то вдаль, как будто эти неловкие признания ничего для нее не значили. Лишь тоненькая складка, легшая на ее чистый лоб, могла показать внимательному наблюдателю, что выносить присутствие кузины ей нелегко. Но Элиса не способна была замечать чужие страдания, влекомая лишь собственными переживаниями, она продолжала обрушивать на кузину свои чувства.

– И теперь я оказался в очень сложном положении. Я даже не представляю, как мне жить дальше. Ведь я не просто обесчещена, я ношу в себе плоды нашего с Хорвином союза. Понимаешь? И что же мне делать?

Ровина впервые проявила признаки оживления. Выпрямившись, она посмотрела на кузину.

– Ты ожидаешь ребенка? Вашего с Хорвином ребенка? Я правильно тебя поняла?

Элиса опустила глаза.

– Да, – шепнула она еле слышно.

Ровина не отрывала от нее напряженного взгляда.

– Ты в этом уверена?

– Да, – подтвердила Элиса тихо. – Я уверена.

Глаза Ровины потеплели.

– Это же хорошо! Какая ты счастливая!

– Счастливая! – горько повторила Элиса, – Как ты можешь говорить такое! Я же стану изгоем, ты понимаешь, изгоем! Меня нигде не будут принимать. Я окажусь вышвырнутой из общества, понимаешь ты это? Как же мне жить тогда? Я этого не вынесу, жить всеми отвергнутой я не смогу! Не смогу, понимаешь!

Лицо ее скривила гримаса, она почти кричала, она выкрикивала то, что истерзало ей душу. Она не могла больше нести это в себе одна, она давно нуждалась в союзнике, и то, что

она вывалила свою боль на еле живую Ровину, объяснялось не элисиным бессердечием, а ее неспособностью справиться самой. Она торопилась освободиться от своей ноши, переложить ее на другого, у нее даже не хватило сил подождать, чтобы дать Ровине отойти от собственной душевной травмы.

И Ровина, все понимающая Ровина, как этого и хотелось ее кузине, поспешила взвалить ее трудности на свои худенькие плечи. Поднявшись из своего кресла, она ласково обняла Элису.

– Какое все это имеет значение, когда у тебя будет малыш!

– Да не хочу я этого малыша! – выкрикнула та нервно. – Я жить хочу, понимаешь, жить!

А с ним это станет невозможным!

Ровинины глаза сразу сделались строгими.

– Никогда не отказывайся от ребенка! – сказала она серьезно. – Ребенок – это дар, и он несет счастье.

Но мысль эта не могла принести Элисе успокоения.

– Мне он принесет только несчастье! – возразила она упрямо.

Ровина успокаивающе поглаживала ее руки и тихо уговаривала:

– Нет, Элиса, нет! Ты просто не понимаешь этого. Ты растеряна, испугана, и не способна увидеть главное. А главное то, что в твою жизнь войдет малыш. Твой малыш, твой и того человека, которого ты любишь. Он объединит вас, понимаешь? – Элиса напряженно смотрела на нее. – А как сделать, чтобы появление на свет твоего ребенка не сломало жизнь тебе? Это можно устроить, на это еще есть время.

Оставив кузину, Ровина отошла к окну и задумчиво оперлась о подоконник. Тоненькая фигурка ее была решительно выпрямлена, к ней начинала возвращаться свойственная ей энергичность.

– Мне надо подумать, Элиса, мне надо подумать, – сказала она, оглянувшись на кузину. – Прошу тебя, оставь меня одну, мне нужно принять важное решение.

Через час Ровина легким шагом вошла в элисину комнату. В руках у нее белел конверт.

...

Первой, кого увидел Хорвин, вернувшись вечером домой, была Элиса. Она была иной, чем утром, теперь шаг ее был тверд, а взгляд исполнен сознания собственной значимости. Хорвину сразу бросился в глаза белый конверт, что она сжимала в руке.

Он спросил сумрачно:

– Что тебе нужно?

Элиса протянула ему конверт.

– Я должна отдать тебе это. Ровина оставила тебе письмо.

– Письмо? – не отрывая взгляда от Элисы, он машинально взял конверт в руки. – Почему она пишет мне письмо, почему не хочет поговорить со мной сама? И почему передает это письмо через тебя? Какое ты имеешь к нему отношение?

На лице Элисы был вызов. Она твердо ответила:

– Об этом ты можешь прочесть сам. В письме все изложено.

Глаза его скользнули к конверту и снова вернулись к Элисе.

– Ты знаешь, о чем это письмо?

Она утвердительно нагнула голову. Хорвин нервно стиснул конверт.

– Что ты натворила, пока меня не было? Что здесь произошло?

Она выдержала его пристальный взгляд.

– Прочти письмо, и ты все узнаешь.

Конверт белел в его руке. Ровининым размашистым почерком на нем было написано: «моему мужу Хорвину лично». Внезапно ему сделалось страшно. Он торопливо распечатал письмо. Внутри находился один густо исписанный листок. Хорвин стал читать. Он прочел письмо один раз, поднял глаза на Элису и начал читать снова. Слова письма холодом отдавались у него в груди. Дочитав, он в третий раз пробежал глазами конец и поднял голову. Увидел элисин выжидающий взгляд. Напряженно сжал листок.

– Теперь ты мне скажешь, что произошло в этот день? Ты говорила сегодня с Ровиной?

Элиса гордо расправила плечи.

– Да, говорила.

– Что ты ей сказала?

– Правду.

– Какую правду?

– Правду о том, что я ношу под сердцем ребенка. Нашего с тобой ребенка.

К гневу, что тяжелой волной начал переливаться у него внутри, примешивался страх. Элиса стояла пред ним, и в черных глазах ее поблескивали торжествующие искорки. Жесткой рукой он стиснул ее ладонь.

– Почему ты сказала об этом Ровине? Почему не я узнал все первым?!

– Пусти! Да пусти же, ты мне делаешь больно! – Рванувшись, она выдернула руку и, отскочив, принялась растирать покрасневшую кожу. – Смотри, что ты сделал!

– Отвечай! – голос его дрожал от ярости. Отступив от него подальше, Элиса выкрикнула:

– Я сказала ей, потому что она должна это знать!

Он сделал шаг к ней.

– Где она?!

Элиса снова отступила.

– Она ушла.

– Куда ушла?!

– Она совсем ушла. Оставила нас с тобой вдвоем. Она отдала мне это письмо и ушла из дома.

Внезапно он почувствовал, что ему не хватает воздуха. Письмо выскользнуло из ослабевших пальцев.

– Как ушла из дома? Ушла... – проговорил он прерывающимся голосом. – К... когда она ушла?

– Сегодня утром.

Невидящим взглядом он посмотрел на Элису, на белевшее на полу письмо, снова на Элису. Правая рука его беспомощно комкала рубашку у ворота, от стиснувшего горло спазма ему было трудно дышать. Пошатываясь, он направился к выходу. Остановился у двери, постоял напряженно склонив голову. Вернулся назад. Потратил несколько драгоценных мгновений, чтобы поднять ровинино послание, аккуратно сложить его и спрятать на груди, и только после этого бегом бросился вон из дома.

Его кошмар начался снова. Снова он метался по городу в поисках жены.

Часть II

Глава I

Родной мой!

Я знаю, как ты сожалеешь о том, что произошло. Я не буду говорить, что ты не сделал мне больно, ибо твой поступок ранил меня даже сильнее, чем поступок Элисы. Она совершила то, что от нее и ожидалось, ты же заставил меня усомниться в моей вере в тебя.

Но почему бы это ни случилось, нам уже не изменить последствий случившегося. Я потеряла нашего малыша, а Элиса носит под сердцем твоего ребенка. Какой бы она ни была, но она сможет подарить тебе ребенка, а я – никогда. Я не смогу больше ничего дать тебе.

Я могу простить тебя, но я не могу дарить тебя любовью, ибо я – пуста. Только горечь и тоска остались в моей душе. Так что оставь меня идти дальше своей дорогой и постарайся примириться с Элисой. Я молю тебя, ради нашей прошлой любви, береги ее. Я молю Бога, чтобы вы смогли обрести счастье. Прощай.

Ровина.

Хорвин знал это письмо наизусть. Он носил его у сердца и каждым вечером, перед тем, как лечь, вновь перечитывал. Прошло почти два месяца со дня исчезновения Ровины, но боль его не стала меньше. Первые дни он отчаянно метался, пытаясь найти жену, долгое время он отказывался верить, что Ровина ушла из его жизни. И лишь постепенно в душу стало просачиваться осознание, что Ровины нет и больше не будет, что теперь предстоит учиться жить без нее.

Жизнь, между тем, продолжала идти своим чередом, и ему пришлось включиться в ее обычный круговорот. Как и прежде, он ходил на службу, даже с большим рвением, чем раньше, исполнял свои обязанности, пытаясь таким образом занять свои мысли и отвлечь их от той страшной пустоты, которая воцарилась у него внутри. Как и в прошлой своей, счастливой, жизни, по вечерам он возвращался домой, только теперь эти возвращения стали тягостны, и он искал предлог, чтобы оттянуть их. Но он не проводит время с друзьями, напротив, он старался избегать их, он умел разделять с другими радость, но не горе. Поэтому он предпочитал бродить в одиночестве, ведя бесконечный мысленный разговор с той, которой теперь не было рядом.

Местом, где, как ни странно, он теперь часто бывал, стал детский приют.

Из окна кабинета госпожи Порейры просматривался приютский двор, и Хорвину были видно, как два маляра, прервавшие свою работу, закусывают. Удобно устроившись на стоящей около стены скамейке, они дружно жевали огромные ломти хлеба. По-видимому, у обоих было хорошее настроение, звуки их веселого смеха внутрь комнаты не доносились, но его можно было понять по их оживленным лицам, по тому, с каким воодушевлением оба поочередно прикладывались к бутылке. А вот мне давно уже не доводилось смеяться, с каким-то ожесточенным равнодушием подумал Хорвин. Стоящая рядом с ним госпожа Порейра неодобрительно покачала головой, ее осуждение вызывало не веселье работников, а до сих пор не покрашенный большой кусок стены. Солнце уже клонилось к закату, и ясно было, что и сегодня работа закончена не будет. Высокая, солидная дама, одетая в строгое черное платье, госпожа Порейра одним своим видом вызывала уважение. Уже больше десятка лет она руководила этим заведением, через ее руки прошли сотни воспитанников, и Хорвину нередко делалось неуютно, когда он встречал взгляд ее внимательных, суровых глаз. Он отвернулся от окна и посмотрел на большие часы, ведущие, как и все часы, свой мерный, бесконечный отсчет времени.

– Сегодня ровно пятьдесят дней, как Ровина ушла из дома, – обронил он задумчиво.

Строгие глаза госпожи Порейры обратились к нему.

– Вы по-прежнему считаете дни?

Он подавил вздох.

– Я не могу считать дни до ее возвращения, вот и веду этот печальный счет. От нее не было никаких вестей?

Вопрос этот он задал без всякой надежды, и, как и ожидал, в ответ услышал сухие слова.

– Вы знаете, что если бы это случилось, я бы сразу вас известила, – госпожа Порейра вновь неодобрительно покачала головой, но теперь это неодобрение относилось к Хорвину. – Пора уже, господин Ристли, принять уход вашей жены, как данность, и перестать сосредотачивать все свои помыслы на бесплотных мечтаниях. Вам следует научиться находить в жизни иные источники для удовлетворения.

– Возможно, вы и правы, – согласился он, избегая ее строгого взгляда. – Но я не в состоянии последовать вашему мудрому совету. Забыть о ней, перестать о ней думать – это выше моих сил.

Но госпожа Порейра не признавала слабости, голос ее был суров.

– Вам есть, чем заняться. Я знаю, что у вас остались родные, вы можете посвятить вашу жизнь им. – Хорвин вскинул на нее свои внезапно потемневшие глаза – он подумал о той, что сейчас дожидалась его дома. – Потом, вы делаете много нужного. Благодаря тем богатым покровителям, чье внимание вы смогли привлечь к нашему нищему приюту, у нас делается ремонт, воспитанники больше не мерзнут в старой изношенной одежде. Разве осознание сделанного вами добра не приносит вам чувство удовлетворения?

Хорвин покачал головой.

– Я всего лишь пытаюсь замолить свой грех. Все это я должен был делать давным-давно, когда еще моя жена была со мной рядом, и тогда бы она не пропала.

Голос его предательски дрогнул, и он поспешил отвернуться к окну. Было видно, как воспитанники парами заходят в калитку. Сначала прошли мальчики в синих мундирчиках, за ними следовали девочки, одетые в одинаковые капоры и сверкающие белыми воротничками.

– Возвращаются с вечерней службы, – пояснила госпожа Порейра. – Вы видите, наши дети больше не выглядят оборванцами, и это, в большой степени, благодаря вам.

Но тщеславие было чуждо Хорвину, и слова эти не вызвали у него удовольствия. Однако вид детей навел его деятельную натуру на мысль, что он мог бы сделать для них что-нибудь еще. В голове молнией пронеслось воспоминание, и Хорвин повернулся к госпоже Порейре.

– Скажите, а тот мальчик, что болел, и моя жена навещала его перед тем, как с ней случилось несчастье. Могу я повидать его?

Лицо госпожи Порейры сделалось опечаленным.

– Я понимаю, о ком вы говорите, – медленно произнесла она. – Маленький Стэси.

Хорвин нахмурился, возвышенный тон, которым говорила начальница приюта, заставил его насторожиться.

– С ним что-то произошло? – быстро спросил он.

Скорбные складки потянули вниз уголки рта на строгом лице госпожи Порейры.

– Его уже нет с нами, – торжественно произнесла она. – Он оставил этот мир через два дня после визита вашей жены.

Удар был внезапным. Хорвин пошатнулся и непроизвольно поднес руку к глазам. Перед его мысленным взором снова встала их последняя ссора с Ровиной. Значит, он не хотел пускать жену именно к этому больному малышу, он не позволял ей облегчить последние часы ребенка... Боже, каким он был негодеем! Не удивительно, подумал он мрачно, что жена захотела от меня уйти...

Считая нужным дать своему собеседнику возможность успокоиться, госпожа Порейра отошла к своему столу и сделала вид, что что-то там ищет. Постепенно приходя в себя, Хорвин медленно провел ладонью по лицу.

– Я думаю, сегодня мне пора уходить, – проговорил он. – Если у вас появятся какие-то поручения для меня, напишите мне на службу, как обычно.

– Да, конечно, – ответила начальница приюта. – Как только в вашей помощи будет нужда, я дам вам знать.

Когда Хорвин был уже у двери, она все же его окликнула.

– У того малыша осталась сестра. – Хорвин остановился. – Вы не хотели бы повидать ее? Он покачал головой.

– Нет. Не стоит. Это будет выше моих сил, – проговорил он, не глядя в ее сторону.

...

После приюта Хорвин, оттягивая тягостную необходимость возвращаться домой, зашел к родителям. Только здесь, рядом с теми, кто знал о нем все, в атмосфере спокойного, ненавязчивого участия он испытывал хоть какое-то облегчение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.